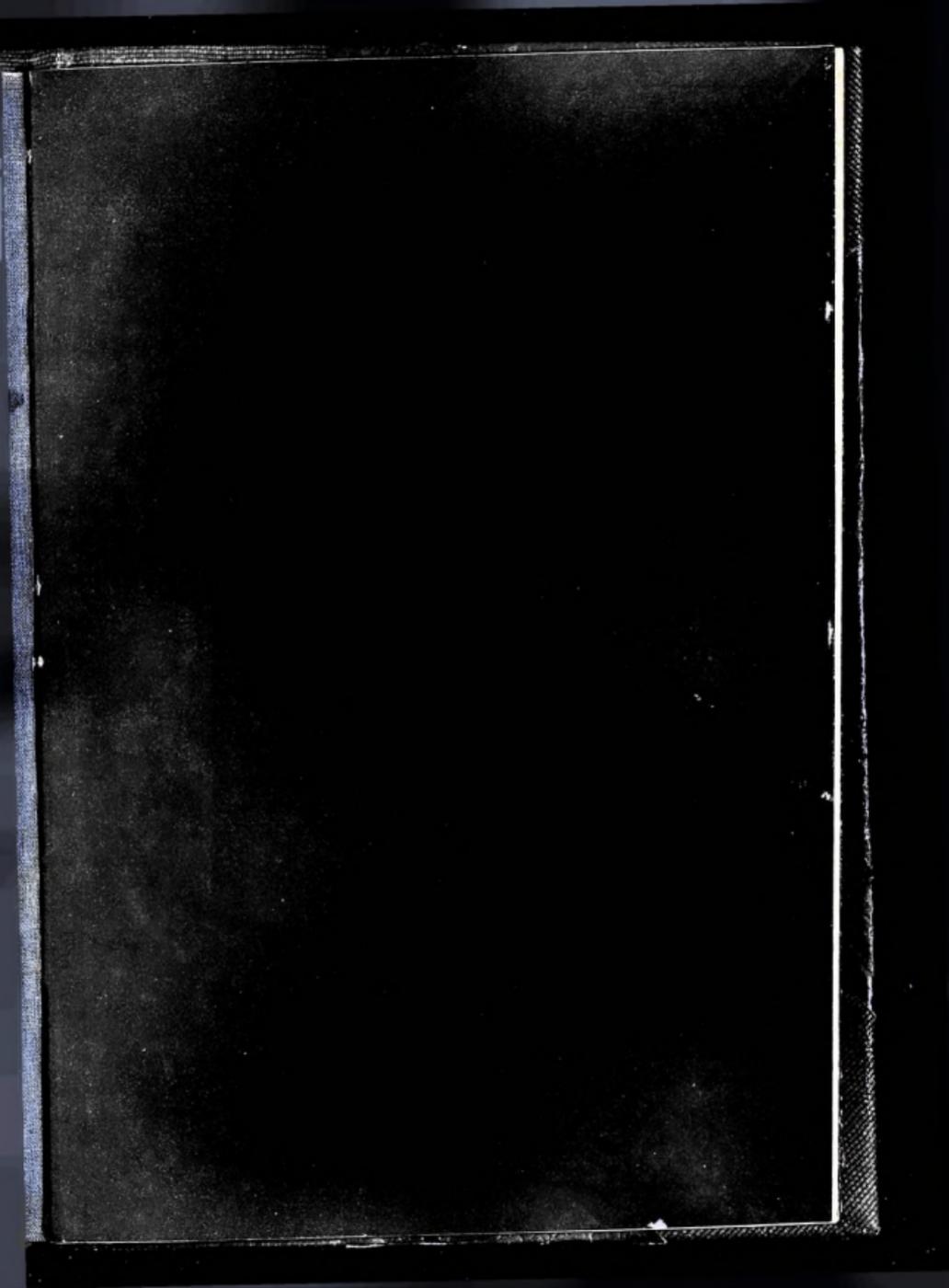
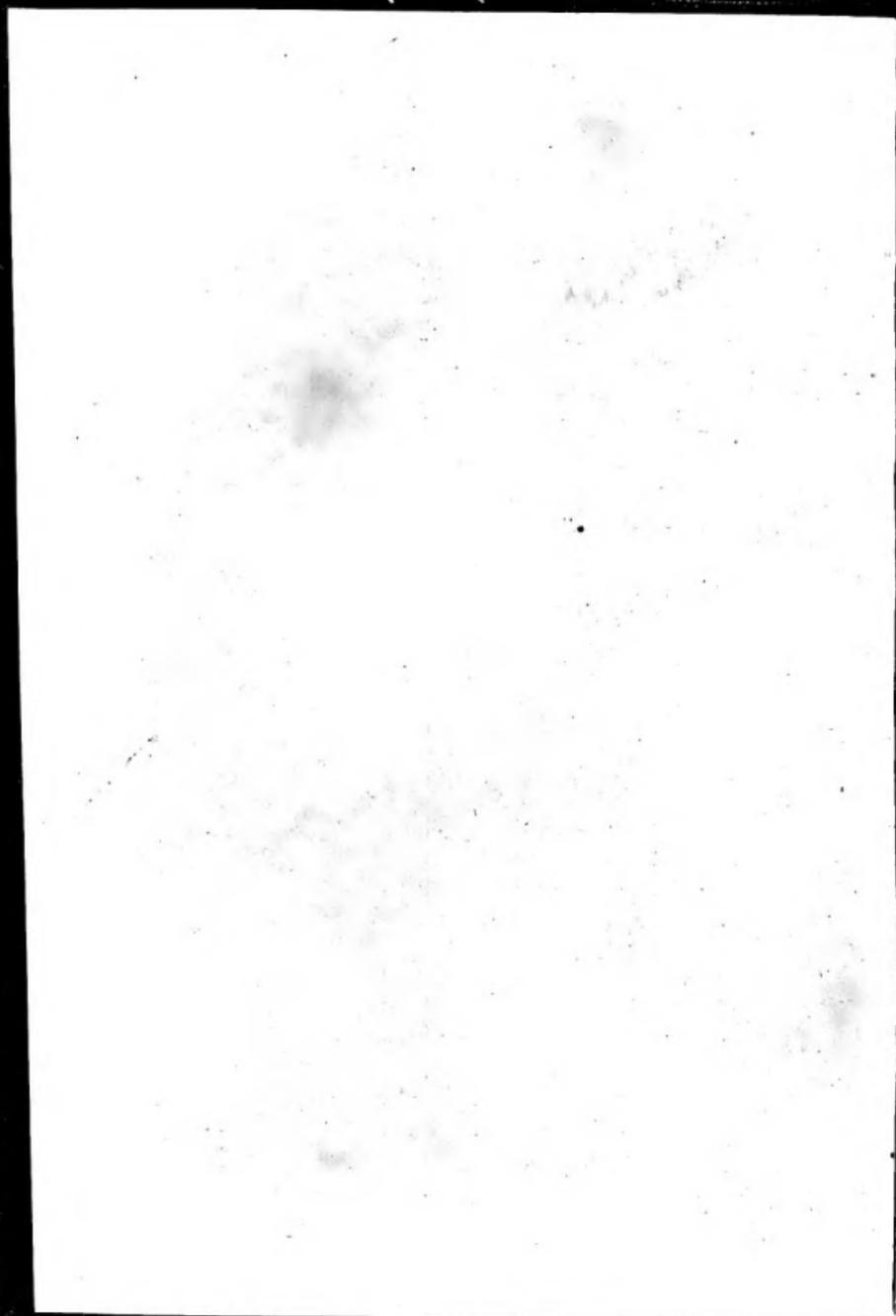

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԱՆՍՏՐԱԿՏԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ
ՎԵՐՈՒՄ
ՏՐՈՒՄ

Л. ТРОЦКИЙ

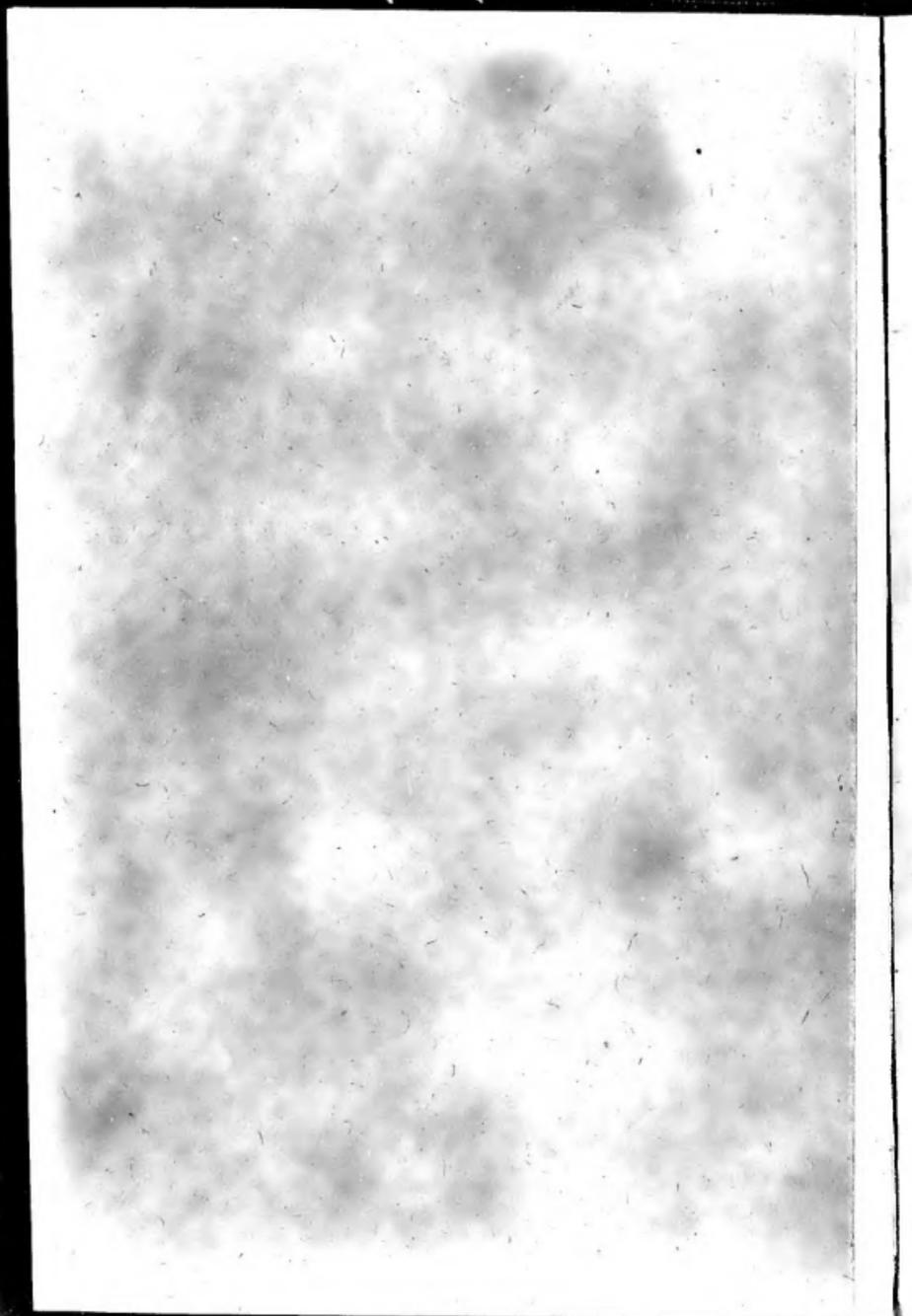
ЕН171
Б 746

**БОРЬБА
ЗА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ
И
РАБОЧИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926

Л. ТРОЦКИЙ

X

ЕМ 171

Б 746

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ
И РАБОЧИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
на собрании рабкоров „Правды“ в клубе
имени М. И. Ульяновой

С приложением речей
рабкоров и статьи т. Плесско
„Речь Л. Д. Троцкого как материал
для занятий в рабкоровских кружках“

12/24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ЕН171
5746

Москва
Института Ленина
при Ц.И. В.К.П. (6.)

(296) - 11900
2078
56 ст.

1062613

ДОКЛАД Л. Д. ТРОЦКОГО

Товарищи, я постараюсь быть как можно более кратким, для того чтобы дать возможность высказаться участникам настоящего собрания, поставить вопросы и подвергнуть их совместному обсуждению, потому что у меня, так сказать, цель корыстная. Я хочу кое-что узнать от вас, ввиду вашей связи с фабриками и заводами, для нашего Сопещения по поднятию качества продукции. Поэтому в высшей степени желательно, — и об этом я условился с товарищем председателем, — чтобы у нас состоялась общая беседа по этому вопросу.

ОТ КОЛИЧЕСТВА К КАЧЕСТВУ

А теперь позвольте перейти к существу вопроса.

Почему, собственно, поднялся вопрос о качестве продукции, или, иначе, почему он не поднимался раньше? Раньше у нас первое место занимали вопросы количества. Если вы откроете нашу партийную программу, то там прямо сказано, что задачей хозяйственного строительства на ближайший период является увеличение количества материальных благ. Программа писалась в период величайшей хозяйственной разрухи, в период полного отсутствия самых необходимых жизненных продуктов. И первой задачей было — хоть в каком-нибудь количестве воссоздать необходимые жизненные продукты. Весь первый период хозяйственного строительства проходит под знаком количества. Мы все измеряли по сравнению с довоенным уровнем: 10⁰/₁₀₀ от довоенного уровня, 20, потом 50, 70. Иногда переводили это количество на деньги и на цены. Когда сравнивали, то говорили так: вот данный завод производит столько-то штук кож; тот же завод производил

раньше такое-то количество кож; одна кожа по каталогу 1913 г. стоит столько-то; затем умножали на стоимость число кож и получали таким образом сравнение со стоимостью продукции 1912/13 года, — сравнение, выраженное в рублях, в золотых рублях по ценам каталогов 1912/13 г. Это был самый обычный метод сравнения нашего производства с довоенным. Этот метод основывался на том, что, ставя вопрос о поднятии количества продукции, мы закрывали глаза на ее качество.

Когда мы регулировали цены, когда у нас с конца 1923 г. поднялась кампания за снижение цен, — кампания, которая дала серьезные результаты, мы говорили, что аршин ситца стоил столько-то, а сейчас он стоит меньше, т.е. мы отмечали какое-то снижение цены. На качество мы при этом не обращали внимания. При ВСНХ имеется бюро цен, где регулируются цены разных промышленных изделий. Как они регулируются? По названию товаров. Цена такого-то товара — такая-то, но каково качество этого товара, этого в цене не сказано. Об этом мы не задумывались в первые годы, когда речь была только о том, чтобы вообще оживить производство.

И только крупные производственные успехи, только повышение хозяйственного уровня поставило вопрос и о качестве, а качество теснейшим образом связано с количеством: не определять качества значит — не определять и количества. Пример: если одна пара сапог годна в течение года, а каждая из двух других пар сапог годна в течение трех месяцев, то по количеству выйдет, что две пары меньше одной пары сапог. Если повышение производительности труда приводит к ухудшению качества, то нужно спросить: есть ли тут повышение производительности труда или нет? — ибо может быть случай, когда повышение производительности труда является фиктивным, мнимым. Если, например, сапожник производит две пары сапог в два дня вместо трех дней, но эти две пары сапог изнашиваются в течение полугода, вместо прежнего года, то мы имеем не повышение, а, наоборот, понижение производительности труда.

То же самое относится и к понижению цен — в отношении сукна, ситца и т. д. Установлено, что во многих случаях снижение цен сопровождалось снижением качества, таким снижением, которое превышало иногда снижение цены. Если качество материала шерсти понижается на 15%, а цена — на 25%, то, разумеется, покупатель при этом в общем в выигрыше.

Но если покупная цена снижается на 15⁰/₀, а качество на 25⁰/₀ — например, если ткань делается более легкой, то покупатель может оказаться в проигрыше. Словом, какое бы производство ни взято, нельзя производить оценку продукции, не определив качества.

Но тут представляется затруднение в определении, что такое качество продукции. На первый взгляд это кажется ясным, но на самом деле это определение является труднейшей задачей. Из нашей обыденной жизни мы знаем, что бывают сапоги, которые носятся долго, а бывают и такие, которые носятся меньше. В отношении качества сукна многие, например, пробуют руками данный сорт и многие считают себя знатоками в определении качества. Но это делается на-глаз, на основании личного опыта. В отношении таких вещей, как газетная бумага, это сделать еще труднее. Как определить качество бумаги, машин, с.-х. орудий, локомотивов и т. д.? Ясно, что всякий товар, всякое изделие, всякий продукт должен оцениваться в зависимости от качества. Говоря о цене, надо обязательно сочетать цену с вопросом качественной оценки.

Просто на-глаз? Нет. Есть такие продукты, как, например, табак, чай, вина, которые оцениваются спецами высокой марки — дегустаторами, такими особыми спецами, которые на вкус пробуют: затынется и скажет: «цена этому табаку 15 — 20 коп. за фунт» и т. д. В области вин то же самое; то же и по части чая. Это продукты, так сказать, вкусового характера, их пробуют на вкус. И здесь иногда величайшие фирмы находились в зависимости от таких спецов-дегустаторов. Эти спецы ценились на вес золота. Но как оценивать другие массовые продукты? Это очень трудная задача. Недавно, например, обсуждался вопрос о такой простой вещи, казалось бы, как газетная бумага — как оценивать качество газетной бумаги? Тут имеет значение крепость бумаги на разрыв — ее механическое сопротивление, равномерность, светопроницаемость, определение облачности, т.-е. мест, которые не пропускают света, и мест совсем жидких, пропускающих свет. Затем берут бумагу наощупь — определяют добротность ее. Это такое качество, которому на русском языке нет названия, а на немецком и французском есть. Затем нужно уметь определять лоск: нашу бумагу погладишь — руку занозишь, и т. д. Но это я привожу еще не в точных измерениях, а все это можно, оказывается, точно измерить, начиная с того, что можно взвесить, сколько в бумаге целлюлозы,

древесной массы на квадратный метр, затем определить, насколько равномерно распределена масса бумаги, — все это можно выразить в цифрах. Можно даже равномерность, шелковистость или шероховатость при помощи особых научных способов измерить и записать в виде чисел. Это объективный метод.

Объективным он называется потому, что не зависит от произвола человека, от дегустаторов. Имеются такие спецы, которые и кожу пробуют на язык, и у них великолепнейшие навыки, но, это индивидуальные, субъективные навыки, их так легко не передашь, — чтобы их передать, надо еще кого-то обучить. Это сложнейшая задача, а между тем можно производить измерение объективными инструментами. И задача каждого продавца — измерить качество продукции объективно, учесть качество, измерить его в цифрах. В отношении некоторых сортов товаров это очень простая штука. Возьму для примера электрическую лампочку. Качество ее измеряется очень просто: прежде всего надо знать, сколько часов эта лампочка может гореть. Одна лампочка горит 1000 часов, другая — 1100, 800 или 900 часов. Тут можно сравнить качество всех этих лампочек совершенно объективно. Затем — сколько лампочка поглощает электрической энергии? Известно, что электрическая энергия может быть точно измерена до очень мелких дробей. Можно взять нашу лампочку и иностранную в 25 свечей и, пустив ток через одну и другую, измерить точно, сколько поглощает та и другая. И тогда мы получим представление о качестве этих лампочек. Большое значение имеет, далее, рассеиваемость света. Лампочка тем лучше, чем более правильный поток света она вокруг себя дает по прямым радиусам во все стороны. Дело в том, что если лампочка рассеивает свой свет равномерно, то для освещения такого-то зала окажется потребным, примерно, 10 лампочек, а если неравномерно, то для того, чтобы получить такое же освещение, понадобится 12 или 15 лампочек. Получаются точные числовые величины. Качество одной лампочки относится к качеству другой — как 10 к 15 или 1 к 1,5. Если вы все сопоставите, скомбинируете, вы получите так называемый сравнительный коэффициент качества, т.-е. число, которое выражает сравнение нашей, скажем, лампочки с иностранной. Это число, выражающее отношение одной лампочки к другой, и называется сравнительным коэффициентом. В данном случае это будет сравнитель-

ный коэффициент качества. Конечно, можно взять только один какой-нибудь признак, — например, продолжительность горения. Если наша лампочка работает 900 часов, а иностранная „Осрам“ — 1000 часов, то качество нашей лампочки будет разниться на 0,1 в пользу иностранной лампочки. Мы здесь выражаем разницу качества в точных числах, при помощи объективного метода. Но если одновременно учесть данные о том, сколько энергии поглощает лампочка, какое рассеяние света она дает и прочее, то коэффициент может измениться. Окажется, например, что этот коэффициент может быть 1 к 2, т.-е. наша лампочка окажется по всем признакам в два раза хуже иностранной (это я говорю только в виде примера; он не отвечает действительности: на деле наша лампочка, хоть и хуже иностранной, но не столь значительно).

Затем возникает вопрос о цене. Если окажется, что наша лампочка в два раза хуже иностранной и на 50% дороже, то сравнительный коэффициент будет 1 к 3. Это уже комбинированный коэффициент, т.-е. такой, который охватывает и качество и цену. Если сравнивать между собой только цены, если сказать, что наша лампочка дороже иностранной на 50%, то это еще ничего не говорит, потому что весь вопрос в том, каково соотношение этих лампочек по качеству. Комбинируя эти признаки, мы приходим к точным сравнительным коэффициентам. К этой задаче мы подходим сейчас в нашем промышленном развитии. Это не значит, конечно, что завтра или послезавтра мы будем иметь точные сравнительные коэффициенты.

Неточный коэффициент у покупателей в голове всегда был и есть. Наша статистика указывала, что наше производство сапог, кожи, текстиля или сельско-хозяйственных орудий — плугов, кос и пр.—составляет 35% от довоенного, потом—40—50%. Это мы писали в статистических таблицах. А как к этому отнеслись крестьянин или крестьянка? Крестьянка прекрасно помнила качество ситца, а крестьянин помнил, каково было качество косы до войны, и в частных разговорах, при случае говорил: „да, сейчас вот коса вдвое дороже и нужны две косы, где раньше хватало одной“. Такие разговоры в деревне можно слышать на каждом шагу. Они означают, что крестьянин выводит в голове сравнительный коэффициент качества и цены. Только не точными и объективными приборами, а, так сказать, на основании своего личного опыта, по своей потребительской памяти.

Или крестьянка скажет: „цену на ситец снизили, метр 60 или 50 коп. стоит, да линючий. Вот, говорит, прежде я носила два лета под солнцем, он держался, а теперь в одно лето чисто вылиняло“. Что значит „одно лето“ и „два лета“? Опять сравнительный коэффициент. Крестьянка знает, что цена только на 20% выше, но она знает также, что на деле качество ситца в два раза хуже, потому что прочность краски одно из важных качеств ситца. Она в голове вычисляет коэффициент, грубо, неточно, но гораздо более, может быть, правильно, чем наши статистики.

Мне приходилось писать, что наши крестьяне прорабатывают этот вопрос в отношении с.-х. орудий и машин с величайшей точностью. Крестьянин припоминает изделия с.-х. машиностроения до войны, сравнивает их с нашими изделиями, и у него получается сравнительный коэффициент (как у него есть сравнительный коэффициент и для коровы, лошади, овцы и свиньи). Он знает, что такая-то лошадь годится на 8 лет, а другая на 5 лет и т. д. Результаты этого своего крепкого жизненного навыка в отношении к живому инвентарю он всегда переносит и на мертвый инвентарь — он рассчитывает, сравнивает и получает средний коэффициент продукта, который, хотя и не показан точным числом, но сплошь и рядом более реален, чем наши статистические подсчеты.

Но это не значит, что мы всегда вынуждены будем отставать от крестьянской оценки. Теперь задача состоит в том, чтобы научиться объективно оценивать качество. Оценку качества начинают уточнять. По вопросу об оценке качества машин производится не случайная работа, а выясняется, на какую глубину плуг подымает землю, какую живую силу он требует для работы; для этого данный плуг сравнивается с другими плугами, определяется продолжительность его работы без ремонта и т. д., т.-е. в результате получается объективная картина в отношении данного плуга, трактора, сеялки и т. д. Такого рода лабораторная работа ведется у нас при Тимирязевской Академии агрономами, специалистами и пр. Необходимо ее дополнить живым опросом потребителя этих самых орудий, т.-е. крестьян, потому что научно-технические способы определения качества могут иной раз идти вразрез с действительным качеством. Возьмем в пример подошву. Как раз в Советском Союзе по качеству продукции мы очень долго разбирали вопрос о кожанной промышленности, и, думаю, что, благо-

даря соединению работников синдикатов, трестовиков и пр., — способы точной оценки качества добыть удастся. Притом имеются лаборатории по определению качества кожи. Они производят испытания химическим и механическим способом. Химическим — при котором производятся испытания различными реактивами, механическим — при котором испытывается прочность кожи на различных специальных станках и приборах. Определение качества шерсти или ситца можно производить таким же образом — при помощи соответствующих аппаратов, на которых можно проверять прочность материалов. Но сукно на машине не знает пота, не знает сна, не знает человеческих движений. Поэтому объективные коэффициенты не всегда совпадают с жизненными коэффициентами, и поэтому приходится вносить поправку на основании жизненного опыта самого потребителя, что может сделать кооперация, наблюдательный человек и не в последнем счете, конечно, рабкор. И задача состоит в том, чтобы эти научно добытые сравнительные коэффициенты наших институтов, лабораторий и пр. и пр. увязать с потребительским опытом населения, с опытом всякого наблюдательного и внимательного человека.

НУЖНО СТАНДАРТИЗИРОВАТЬ КАЧЕСТВО

Для чего эти средние коэффициенты качества нужны вообще? Для того чтобы повышать качество продукции. Как повышается качество продукции при капитализме? Путем конкуренции. На рынок выбрасываются продукты, разные фирмы борются за потребителя и стараются ему угодить. Если это предметы роскоши, то стараются, чтобы они были пошкарнее, если же предметы массового потребления, то стремятся сделать их попрочнее.

Таким образом повышение качества при капитализме обусловливается механизмом конкуренции, при социализме же, когда государство, как производитель, занимает монопольное положение, конкуренция исчезает. Тут нужно сказать, что в этом смысле нам приходится учиться у капитализма, потому что капитализм перешел к монополии в форме трестов, синдикатов и т. д. Надо подчеркнуть, что с того момента, как важнейшие отрасли промышленности были монополизированы еще при капиталистическом строе, капитализм стал регулировать во-

просы качества установлением научных, технических норм или стандартов.

Так, например, для целого ряда химических препаратов, которые нужны для лечения,—аспирина, хинина и др.—установлена упаковка в стеклянных запечатанных трубочках с определенной этикеткой, которая является свидетельством лаборатории, что в этом препарате содержится то-то и то-то. Например, чистая сода должна отвечать известной научной норме или стандарту. Стандарт есть определенно установленное качество. К стандартизации качества капиталистическое общество перешло довольно давно для целого ряда товаров, особенно для товаров, с которыми связаны здоровье и жизнь человека, или же для продуктов более высоких отраслей промышленности. В Америке и в Германии стандартизация в промышленности достигла очень высокого уровня. Получая товар, покупатель уже заранее осведомлен об его качествах. Качества товаров стандартизованы посредством определенных научных учреждений, институтов, и товар имеет, так сказать, свой паспорт, в котором указаны его особые приметы. И когда мы говорим о цене такого товара, мы говорим о цене товара определенного качества, т.е. о стандартизованном товаре. Мы говорим о лампочках, которые горят столько-то часов, поглощают столько-то энергии, дают столько-то рассеяния света. Это товарный паспорт лампочки, которая будет стоить 53 коп.

Мы должны перейти к стандартизации во всей промышленности. Будет ли это означать застой? Нет, не будет. Не будет потому, что стандарты меняются, стандарты пересматриваются по мере того, как повышается техника.

Когда наша электротехника достигнет более высокого уровня, мы установим для лампочки новый стандарт. Она должна будет жить не 900 часов, а уже 1500, давать такое-то рассеяние света, и ее цена уже будет не 53 коп., а дешевле, например, 45 коп. и пр. и пр. Но для данного определенного периода важно иметь определенный стандарт качества и цены.

В общем, это задача очень большая и очень длительная. Выработка стандарта предполагает повышение нашей техники, нашей культуры, всего нашего производства, нашей организации, и эта работа будет длиться не один год. При этом стандарты будут пересматриваться, изменяться и пр. и пр., а параллельно с этим можно качество нашей промышленности

поднимать и более простыми способами, более примитивными, и прежде всего давлением организованного потребителя посредством общественного мнения, через кооперацию и печать. Ибо можно улучшить качество, и не измерив его со всей точностью, можно улучшить качество, устраняя неряшливость, недобросовестность или небрежное отношение к сырью. Разные составные части сапога должны быть согласованы так, чтобы все они не изнашивались раньше определенного срока, потому что, если подметка годна на полгода, а верхний товар негоден, или наоборот, то очевидно, что сапоги не стандартизованы, т.-е. не согласованы разные их части между собой. А правильная постановка производства состоит в таком согласовании. Это относится не только к сапогу, но в той же степени и, например, к авиационному мотору. Если вы возьмете наш авиационный мотор, поставите его на испытательный станок (такие специальные станки для определения качества авиационного мотора имеются) и испытаете его, то он может оказаться лучшим, чем американский мотор того же наименования (мы делаем авиационные моторы под наименованием „Либерти“). Может оказаться, что один из них будет пригоден 1500 часов, а другой только 3—5 часов. У последнего окажется слабое место, а общая оценка качества выражается по самому слабому звену. Так же, как цепь может порваться в одном своем звене, так и каждый сложный продукт изнашивается в слабом своем звене. И может оказаться, что мотор по остальным частям мог бы работать 1500 часов, но испортится подшипник, и он сможет работать только 5 или 6 часов, а для дальнего перелета это — гибель мотора и, может быть, гибель летчика. Значит, согласованность или стандартизация составных частей это — основное условие качества, которое может быть выполнено только при механизированном, только при массовом производстве, при однородном сырье и т. д. Мы, конечно, этого достигнем, но в то же время по пути к этому можно достигнуть больших улучшений устранением многих беспорядков, которые у нас имеются, и прежде всего устранением того невнимания к качеству, которое наблюдалось в нашей промышленности до последнего времени.

Переход к сельщине был необходим: он дал более высокую производительность труда. Но, с другой стороны, он во многих случаях привел к убийственному снижению качества. Что это означает с точки зрения производственной статистики?

На первый взгляд все как будто великолепно: там, где раньше на одну рабочую силу получали 5 единиц изделия, теперь получают 8 или 10. Но это увеличение может отозваться на потребителя, так как возможно, что каждая из этих единиц в 2 или 3 раза хуже прежнего продукта. Очевидно, в результате общество проиграет. Поэтому оценка сдельщины должна производиться с коэффициентом качества, с аршинной, а теперь — с метрической качественной оценкой в руках. Иначе мы сами себя будем обманывать.

СПАСИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ПЕЧАТИ

Как к этому делу подойти с точки зрения мобилизации общественного внимания? Мы в Особом Совещании по поднятню качества продукции этот вопрос обсуждали. К нему мы как следует и сейчас еще не подошли, но кое-какие успехи в этом отношении, несомненно, уже имеются, просто потому, что удалось расшевелить общественное мнение, и многие стали побаиваться, как бы их не продернули в печати. Это — спасительный страх. Имеются многие беспорядки в производстве, которые могут быть легко устранены. Возьмем, например, сельско-хозяйственные орудия и машины. Я был в деревне. Крестьянин говорит: „вот нож к плугу купил, а в нем дырочка не просверлена на том месте, где полагается“. Дырочка должна быть стандартизована, для плуга определенного типа завод должен изготовлять определенные ножи. На заводе этого не сделали, и крестьянину приходится нести нож к кузнецу. Нож весь стоит, скажем, 1 р. 50 к., а кузнец возьмет тоже 1 р. 50 к., потому что это необычное для него дело. Другой пример: третьего дня я получил письмо от крестьянина Тверской губ., который сейчас на работе в Москве, на отхожих промыслах, вероятно, по строительному делу. Пишет, что купил молотилку. Шестерня в молотилке самое слабое место. Как дойдет дело до шестерни — пиши пропало; так это и в Калужской, и в Московской, и в Тверской губ., насчет этого имеется богатейший материал. Так было и на этот раз: шестерня оказалась плохой, зубья в ней негодные, металл пористый, раковины внутри и т. д. Когда об этом пошел разговор, склад дал другую, а другая шестерня в гнездо не приходится, так что ее ковыряли, рубили, резали, пилили, кое-как наладили. На устранение таких недочетов печать должна обратить внимание в первую очередь.

Приведу пример спасительной роли печати. Из Смоленской губ. первое заявление о шестерне мы получили через Дом Крестьянина. Нашелся тов. Лобанов (заведующий Домом Крестьянина), который взял негодную шестерню и с письмом прислал ее в Москву в Особое Совещение по качеству продукции. Тов. Лобанов пишет: „Этакий брелок фунтика в 4 весом — поломанную шестерню — может быть, какому-нибудь спецевику привесить на часовую цепочку?“ — и дальше рассказывает, как крестьянин купил молотилку, заплатил 325 руб., а шестерня вышла в расход, достать другую негде, — пропали 325 руб. Особое Совещение послало телеграмму в Дом Крестьянина: „Приветствуем вашу инициативу“. Одной из задач Дома Крестьянина и должно быть собрание таких жалоб. Нельзя позволять издеваться над потребителем, нужно не оставлять без протеста такие случаи. Дом Крестьянина пропечатал этот факт в смоленской газете. И пошли жалобы от крестьян в Дом Крестьянина, и мы получили уже оттуда представителя: приехал делегат, который привез с собой 5 жалоб. Наши спецы этого делегата очень строго экзаменовали: „А сколько всего жалоб, милый?“ — „Пять“. — „Только всего?“ — „Всего. Да после напечатания прошло 5 дней только; пока крестьянин доедет, придет, дайте только срок“... И прочее, и прочее. Очень хорошо и твердо отвечал. Как видите, роль печати колоссальна, разумеется, если рабкоры будут освещать эти вопросы и под углом зрения потребителя и под производственным углом зрения. Под углом зрения потребителя — т.-е. взглянув на все наше хозяйство глазами хозяйки, работницы, матери семейства, которая не может не интересоваться, где и что она покупает, сколько времени проводит в кооперативе, как внимательно относятся там к ней, как ей отвечают, не обмеривают ли, не обещивают ли, не обманывают ли? Потому что у нас бывает этот грех, в особенности в провинции, и в особенности в кооперативных или государственных торговых учреждениях.

В Москве на этот счет строже, потому что в Москве побаиваются больше, а в провинции меньше. Обмер и обес у нас в очень большом ходу, и это — один из вопросов качества, потому что качество зависит и от количества. Если на вес мыла дают девять десятых вместо десяти десятых, то при стирке качество от этого будет хуже, потому что мыла меньше и им стирать можно меньше. У нас имеется трест „Жиркость“. Когда мы подняли вопрос о качестве продукции, технический

директор этого треста в анкете ответил, что, дескать, качеством мы утрем нос Франции, Англии и т. д. Существует парфюмерия Коти (это заграничная фирма, которая вырабатывает духи). Дайте нам сырье, — указывал директор, — мы его в два счета разделаем под Коти. А на другой и на третий день я получил от Сельскосоюза в пакете белую костную муку, которая употребляется для удобрения и которую наш Сельскосоюз купил у „Жиркости“ и послал мне. Оказалось — дрянь, годная для засорения земли, а не для удобрения. Так что директор собирался парижскую парфюмерию делать, а муку для удобрения делает плохую. Ясно, что таких хозяйственников надо за ушко да на солнышко, и роль рабкора тут величайшая. Рабкор должен глядеть глазами потребителя. У нас совсем недавно любил употреблять выражение: „потребительская точка зрения“. Когда кто-либо указывал: „ты дурно производишь,“ то говорили, что это — „потребительская точка зрения“. Считалось, что потребительская точка зрения, это — нечто буржуазное. Но, товарищи, рабкор, журналист, газетчик, общественное мнение, печать — должны твердо запомнить, что производство существует для потребления. Тут никаких секретов быть не может, на этом надо твердо настаивать. Правда, в капиталистическом обществе производство существует для барыша. И поскольку мы хозяйничаем методами нэпа и рынка, постольку и у нас барыш играет не последнюю роль. Но нельзя забывать, что основной контроль производства — это контроль с точки зрения интересов массового потребителя, рабочих и крестьян. И поэтому подход с потребительской точки зрения в широком смысле слова является в настоящих условиях подлинным социалистическим подходом к производству. По этой части у нас, товарищи, безобразия величайшее, которое объясняется многими причинами. Наш приказчик, думает, что если он раньше гнул спину перед буржуазным покупателем, то теперь не должен этого делать. Это, конечно, верно. Но нехорошо, когда при нашей некультурности это превращается в презрение к тому покупателю, который попроще. Конечно, если к прилавку подойдет „советский сановник“, то отношение к нему хорошее. Безответному же покупателю не дают возможности выбрать товар. Кто старается ему угодить? Никто. Вас обвинят почти в покушении на основы Советской власти, если вы отвергнете один ситец и потребуете взамен другой (смех). Это — факт, товарищи, и факт глубоко ненормальный;

приказчик чувствует себя как бы комиссаром, чиновником, а покупатель является с деньгами и хочет, чтобы государство ему отпустило хороший товар. Мы смеемся, но покупателя это доводит до слез.

ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Из сказанного вытекают главные задачи рабкора. Составляется, например, дневник покупателя: рабкор инкогнито ходит по ГУМ'у, записывает сцены с природы, дает сообщения в газету, а иногда и указывает номерок продавца или местного товароведа. Стегнуть в печати рабковским хлыстом — польза от этого будет величайшая. Не должно остаться без наказания ни одно безобразие. Рабочие, например, купили сандалии, а они развалились. Когда я о таких фактах разговаривал с директором, он ответил: „у нас товар не хуже довоенного и не хуже иностранного“. Это, конечно, неверно. Если в отношении подошвы наш товар хорош, то ведь одной подошвой не проживешь. Есть и верхний товар, и хлястик, и пряжка, — если пряжка плохо сделана, то обуви уже носить не будешь. Качеством продукции во всех его деталях определяется как уровень производства, так и степень внимания к потребителю. А у нас частенько встречается абсолютно бюрократическое безразличное отношение. У меня в портфеле склад заявлений относительно негодных сандалий фирмы бывш. „Скорород“, больше всего с Урала, так что можно подумать, что московским рабочим и работницам, которые поближе, дали товар получше, а на Урал — похуже. Этим мы подражаем за границе: мировая фирма „Осрам“ производит для Германии лампочки одного качества и пишет „Осрам“, а для Востока, в том числе и для нас, производит лампочки другого, худшего качества, и на них пишет „Ост“. Оказывается, трест „Скорород“ тоже имеет свой „Ост“, который называется „Урал“, и направляет туда плохие сорта. Не оставляйте без протеста ни одного такого факта, разоблачайте их через газету, заставляйте каждый кооператив иметь книгу жалоб или ящик, куда можно было бы направлять жалобы. Таковы задачи рабкора по линии потребителя.

По линии производственной рабочие сталкиваются с вопросом о качестве инструмента, вспомогательного материала. Тут для рабкора материала не оберешься. Рабкор не является журналистом, который подходит к этому вопросу только

с точки зрения газетного работника. Что можно, дайте в газету, а что можно — в Особое Собрание по качеству продукции. Там ни одна бумажка не останется без расследования, докопаемся до всего. И если мы будем иметь хороших, крепких рабкоров, неофициальных контролеров, то качество продукции у нас улучшится. Тут многого можно достигнуть внутренним контролем на самих заводах, на цехах, более строгой браковкой и т. д. Только нужно, чтобы над производством был постоянный контроль со стороны общественного мнения. Потребителем, организованным в кооперацию, у нас до сих пор не интересовались совершенно. Когда мы спрашивали товароведов: имеется ли у вас паспорт на товар, то мы получали, примерно, такой ответ: „что о качестве говорить, когда у нас товарный голод, и покупатель берет все, что ему дают“. Это верно, но это подход капиталистический, для нас — самый убийственный. Почему? Беру опять тот же пример из области наиболее разработанной, из области кожи, где наибольшие недостатки. Голод кожевенный колоссальный, потому что у нас мало скота. Для наших трестов нехватает сырья, а для потребителей нехватает готовой кожи. И ввиду того, что ее нехватает, ее обрабатывают быстрым темпом, каждый старается обогнать другого, поэтому процессы дубления кожи принимают форсированный характер, искусственно ускоренный; кожу или не додубят или передубят, но в том и другом случае ее качество чрезвычайно понижается, и получается такое противоречие, что благодаря недостатку сырья, недостатку кожи спешат дать потребителю, который жаждет ее получить, полунегдную кожу. Недодубили или передубили одинаково означают понижение качества кожи. Совершенно ясно, что недостаток продукции можно возместить только повышением качества. Раз кожи нехватает, надо давать такую, которая носилась бы не полгода, а год или два. В силу отсутствия контроля и в силу чисто капиталистического подхода отдельных трестов к делу, недостаток количества усугубляется снижением качества, и мы обманываем себя в отношении товаров и всех изделий. Ясно, что здесь контроль общественного мнения имеет колоссальное значение. Организовать этот контроль может только рабкор. Я не говорю уже о том, что надо повести жестокую борьбу с такими прямыми злоупотреблениями, как фальсификация, обман покупателей, которые у нас в большем ходу.

Я не буду приводить примера, который я приводил уже насчет иностранных надписей на карандашах. Это дело давно прекращено, т.-е. несколько месяцев тому назад, хотя карандаши эти еще в продаже. Недавно я жаловался одному производственному директору наждачной фабрики на эти самые обманы и показал ему образцы наждака. У меня на столе была коллекция, которую я получил из гаража от товарищей шоферов. Ужаснейшая дрянь, расплзается под руками. Надпись какая-то иностранная. Я и спрашиваю спеца этого по наждаку, директора наждачной фабрики, единственной в Союзе: „Это что такое?“ — „Это, — говорит, — наше“. — „А зачем иностранная надпись?“ — „А знаете, у нас привыкли к иностранному“. Так просто и отвечает. По этой части должно быть жестокое преследование, чтобы не обманывали потребителя ни в коем случае. Я думаю, рабкоры должны помочь и в этом отношении. Мы готовим процесс одной частной фирмы, которая подделывает иностранные этикетки и считает, что таким образом обманывает иностранных капиталистов, что подделывать этикетки — это пустяки, это почти классовая борьба (смех). Но мы это делаем не для борьбы с немецкими капиталистами, а для обмана нашего русского потребителя, его мы надували, подносим ему дрянь под фирмой, под которой он привык получать доброкачественный товар. И так, борьба со всякого рода фальсификацией должна занять важное место в нашей печати и в работе рабкоров.

БУДЕМ БОРОТЬСЯ С СЕКРЕТНИЧЕСТВОМ

В заключение скажу несколько слов о борьбе с секретничеством, с укрывательством известного производственного технического рецепта. Не знаю, следили ли вы по печати за этим вопросом. Он больше обсуждался в промышленной печати, в „Правде“ же нашел мало освещения. Но это вопрос очень интересный. Когда мы стали ближе подходить к вопросу о качестве и разговаривать на эту тему с производственниками, то в Советщани по качеству продукции представитель стекольного треста говорил, что у нас в стекольном производстве что ни завод — то секрет. Имеются старые мастера, которые владеют каким-то таинственным составом, например, составом эмали для посуды или стекла. Получив химические реактивы, такой мастер

Секрет
История Денина
по Ц.К. Р.П.П. (6)
1062613

запирается у себя в лаборатории, иногда кое-что выливает за окно, чтобы другие не узнали, и этим держится на заводе. Я стал наводить справки по другим отраслям промышленности. Говорят, и по коже сколько угодно таких секретчиков, и по бумаге. Выяснилось, что у нас научно-техническая рецептура составляет секрет отдельных людей на разных заводах. Тогда в Советствии встал вопрос, что такое безобразие надо прекратить. Совершенно ясно, что если на одном заводе имеется секрет, который повышает качество продукции или понижает себестоимость, то надо немедленно передать его другому однородному заводу. Ведь от присвоения секрета теряет государство, так как промышленность у нас национализирована. Мы стали собирать производственников и директоров, которые и нам, и в печати заявили, что никаких секретов у них нет. Вышло, что в Особом Советствии их выдумали. Я сначала не понимал, что это такое. Пока в этом отношении не принимали практических мер, выходило, что на заводах, особенно в провинции, имеются определенные производственные секреты. Когда поставили вопрос, чтобы эти секреты упразднить, пожимают плечами, говорят: „кто это выдумал? Никаких секретов нет“. Оказалось, что они свои „секреты“ хотят держать в секрете. Они испугались, что если какой-нибудь завод, имеющий свой рецепт, передаст его другому заводу, где его не знают, то он никак не сможет конкурировать, потеряв свое „секретное“ преимущество. Вот почему и началось это запирательство относительно секретов. Тем не менее мы продолжали расследование этого вопроса. Секретничество имеет разные формы. В некоторых, наиболее отсталых, отраслях промышленности, это вроде знахарства: в глухом лесу, где работает стекольный завод, фарфоровый и фаянсовый, живет какой-то кудесник, мастер, владеющий секретом, и этот свой секрет он передает сыну, только сыну, так что секрет переходит от прадеда к деду, из рода в род. Такие заводы имеются; правда, они составляют меньшинство. На других заводах применяются иные приемы и методы.

Я не говорю уже о примере, который наделал много шума и в печати — о производстве электрических лампочек. Электрические лампочки начали у нас производиться только перед войной. Тем не менее две фабрики лампочек, одна в Ленинграде, другая в Москве, умудрились скрывать друг от друга секреты в особых шкафах, куда доступ имело только ограни-

ченное количество лиц. Это ли не безобразие? Ведь обе фабрики государственные! Ведь если они передадут друг другу свои секреты, они обе от этого выиграют. Говорят: мы за секрет заплатили; если мы его передадим, то у нашего конкурента этот секрет пройдет только по доходу, а у нас он прошел и по расходу, а потом вы сами на нас будете нападать за то, что себестоимость у нас выше, чем на другом заводе. Это соображение надо принять во внимание, т.-е. надо соответственно компенсировать заводы, фабрики и отдельные заводы, у которых имеются известные технические достижения. Но задача наша состоит в обобщении методов производства. Мы национализировали заводы, фабрики, а способы производства остаются частно-хозяйственными, не обобщенными. Если завод израсходовался на какие-либо научно-технические рецепты, это ему зачтется по бухгалтерской книге большой премией и т. д. Это ему как бы за патент. Но не смей держать своих рецептов в секрете! Тут рабковский голос нужен в высшей степени. Умейте заглянуть в два завода одного и того же типа, умейте расспросить, разузнать все о методах производства.

РАБКОР — ЗА ДНЕВНИК ПОТРЕБИТЕЛЯ!

Я бы, товарищи, советовал рабкорам, не всем, — не все по своему складу, темпераменту, характеру имеют интерес к этой работе, но некоторым, которые хотят отдаться этому делу — завести дневник покупателя, дневник потребителя, не бояться потребительской точки зрения и заносить в дневник и мелкие и крупные факты. Таким образом легко будет собрать очень интересный материал, который можно будет, пожалуй, потом и напечатать, как дневник московского потребителя. Если по нашим трестам и заводам пойдет слухок, что рабкоры завели такой дневничок, то на нашем качестве продукции это отразится в высшей степени благотворно (*продолжительные аплодисменты*).

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБКОРОВ

Тов. ИНСАРОВ

(Типография „Красный Пролетарий“)

Я, товарищи, начну с качества набора. Мы долгое время боремся за хороший оригинал. От хорошего оригинала зависит качество набора. Почему? Потому что, когда оригинал хороший, наборщику легко работается, ему не приходится из-за какой-нибудь запятой перебирать всю строчку. Но мало того, чтобы оригинал был читан предварительно и хорош был вначале. Мы вели борьбу и с большой авторской последующей правкой. В этом отношении имеются большие достижения. Во-первых, оригинал в нашей типографии дается наборщику уже читанный. Во-вторых, авторская правка снизилась до 30—35%, а в прошлом году она превышала 100%. По набору качество заметно улучшено.

Теперь перейдем к печати. Вот перед вами два рисунка. Один хороший, а другой дрянь. Зависит это от бумаги. Оказывается, что в одной и той же кипе бумаги имеются листы и гляцевитой и так называемой серой бумаги. И что же получается? Один рисунок вышел куда негодным, а другой имеет более или менее приличный вид. Чья вина? Печатника? Нет! Потому что он сделал все, что нужно, но бумага разная. Если бы всю бумагу дали серую, то печатник приспособился бы к ней, делая соответствующую приправку. Не надо забывать также и того, что качество нынешней краски хуже довоенного процентов на 25. Это имеет большое значение.

Часто нам бросают упреки в плохой брошюровке. Я подобрал 5 или 6 листов бумаги. Идет лист как будто бы хорошо, но вот оказывается, что здесь имеется уголок, лист неровный, косит. Что же получается? Когда лист попадает в брошюровочную машину, лист рвется и брошюруется на угол. Если вы возьмете такую книжку, то увидите, что набор находится в корешке книжки. Отсюда ясно, что на правильную резку надо обратить серьезное внимание.

Дальше я вам прочитаю один интересный акт. Вопрос транспорта играет немалую роль, так же, как и вопрос об упаковке бумаги. Например, вот пишут, что 80% всей прибывшей бумаги имеет недоброкачественную упаковку. (*Читает.*) Вбивают в щиты гвозди, захватывая и бумагу, — это увеличивает брак и ухудшает качество. Дальше: неравномерная укладка бумаги в кипы. Я указывал, что это создает уголки, рвет и т. д. Как на характернейший факт я хотел указать, какая посылается бумага. Вот лист бумаги. (*Показывает разорванный лист.*) Это не оберточная бумага, а на обложку книги, такая бумага в целой кипе подмочена, грязная и т. д. Кого винить в этом? Безусловно фабрику и транспорт. И таких кип не одна.

Наконец, о „дневниках потребителя“. Я считаю, что они нам крайне нужны. Вот, например, дали нам халаты. Сидишь за работой, вспотеешь весь, тело синее. Оказывается, халат линяет. Начинают тебе давать отдельные рабочие советы: „придешь, слышь, домой, возьми нашатырный спирт, вымой“ и т. д.

Задаешь себе тогда вопрос: почему же этого нельзя сделать раньше? Почему каждый должен взять соль или нашатырный спирт? Разве на фабрике, выпустившей эту материю, нельзя этого сделать? Другой товарищ рассказывает: зашла жена в кооператив купить масла; масло горьковатое, никуда не годится; когда он пошел к заведующему, то получил хорошее масло. Затем покупаешь простой голландский сыр. Сверху он хорош, а внутри гнилой. Когда товарищ зашел в кооператив к заведующему и сказал: „зачем вы показываете на стойке хорошую сторону, а на обороте у вас гниль“, то сразу сыра не стало, — убрали его.

Эти дневники, публикуемые иногда в газете, должны показать, что, начав двигать с мелочей, мы двинем и большое дело.

Тов. ЕРМИЛОВ

(12 заводом металлистов)

Сейчас имеются статистические данные, которые говорят, что заработная плата перешагнула для некоторых категорий рабочих довоенный уровень. Я всегда над этим задумываюсь. Правильно это или нет? Перешагнула довоенную или нет? Нам говорят, что коэффициент товарного рубля по отношению к советскому составляет столько-то. Правильно ли этот коэффициент или нет? Этого подтвердить нельзя, ибо вопрос упирается в качество продукции. Рабочий или крестьянин рассуждает так: я покупал сапоги за 6 руб. и носил их 1½ года без ремонта, теперь же сапоги стоят 12 руб., а я ношу их 3 месяца. Коэффициент же вычисляется, не принимая во внимание качества товаров. И отсюда заработная плата рабочих целиком упирается в качество этой продукции. Мы являемся производителями и мы же являемся потребителями, поэтому за качеством должен следить каждый рабочий.

Затем маленькое замечание. Куда ни придишь в магазин, особенно в магазин готовой обуви, платья и т. д., везде объявление: купленный товар обратно не принимается и не обменивается. Это значит, что, если тебе всучили гнилой товар, то ты на завтра принести его назад не можешь. Это неправильно. Советование по улучшению качества продукции должно распорядиться, чтобы данное объявление убрали.

Вопрос об улучшении качества продукции поставлен своевременно, и нам, рабкорам, необходимо его всемерно освещать и развивать.

Тов. СМЕРНОВА

(Голутвинская мануфактура)

У нас есть частный торговец и кооператив. Скажем, рабочий корреспондент или вообще сознательный рабочий старается брать больше в кооперации. Иные же начинают говорить, что у частного торговца товары лучше. Им говоришь — ведь фабрика одна и та же работает, — какая же может быть разница? Но тут надо винить продавца. Продавец частного торговца лучше обошелся с покупателем, значит — и товар лучше.

Теперь скажу об оборудовании крестьянского хозяйства. Купят крестьяне косы, пойдут на покос и пробуют этими косами косить. Это вот, говорят, советская. Стали говорить о власти. Я была в деревне в 1923/24 г. и вижу, что улучшения при Советской власти имеются, а крестьянин, как коснется вопросов хозяйства, говорит: это — „советское“. Сам хвалил Советскую власть: все-таки, говорит, и налоги сбавили и лучше стало, — а как схватился за серп или за косу, так начинает Советскую власть критиковать. Вот в чем значение качества.

Тов. БУХЛЕР

(Шахта им. Ильича, Донбассе)

Разрешите мне, товарищи, сказать несколько слов по поводу продукции угля у нас, в Донбассе. Я приехал в Москву и случайно попал на ваше собрание. Я сам работаю в шахте. Заведующий у нас никогда не интересуется качеством угля, а лишь количеством вагонеток с такого-то забоя. Качество угля у нас хуже довоенного, а можно было бы сделать его лучше. Каким образом? Скажем, в отношении крепежа. У нас заведующий шахтой старается, чтобы все было дешевле. Пусть будет хуже, это не столь важно, только чтобы стоимость угля не превышала 14 коп. Администрация, может быть, 0,2 или 0,02 на пуде экономит, потому что меньше на лесе израсходует, но зато качество угля понижается. У нас слабая порода, нужно закреплять нижнюю часть пласта. А заведующий говорит: не надо. Забойщик, который работает 15—20 лет, говорит: если положим 2—3 доски, то лучшим качеством. А заведующий отвечает: стоимость будет велика, нужно уложиться в 12—14 коп. Очень редко делают у нас анализ угля. Если в шахте разрабатывается 7—8 пластов угля, то анализ получается очень легко. Теперь рынок предъявляет строгие требования к донуглю. Надо обратить самое серьезное внимание на качество угля. У нас имеется хороший коксовый уголь, очень ценный. Ясно, что мы должны были бы давать его все в большем и большем количестве, но для этого нужно произвести мойку и сортировку угля, а у нас допотопная техника. Мойка работает 30 или 35 лет. Наши же спецы никогда не следят за качеством угля, сколько в нем камушков, а обращают внимание только на то, что такой-то забой дал 40 ва-

гонеток. Ну, ладно, ребята, завтра дадим 50 вагонеток. А оказывается, что уголь попал с породой чуть ли не в 50%, в то время как полагается 20%. Как же быть? Деньги уплатили. Куда деть? Конечно, рабочим по квартирам, а потом рабочие ругают хозяйственников, потому что им дают негодный уголь. Я уверяю вас, что если центр не обратит внимания на наших хозяйственников и не подтянет их хорошенько, то мы вместо довоенных 11% дадим 20% зольности. И только когда будет указание центра, можно будет что-нибудь сделать. Отчетов много, но пусть те товарищи и комиссии, которые посещают нас, ходят не в контору, к управляющему, а к забойщику, который работает 15—20 лет. Управляющий показывает книгу анализа, где у него все благополучно. Спроси у заведующего: хорошо? — Хорошо. Нужно узнавать хорошее и плохое прямо в шахте, там, где уголь вырабатывается.

Гов. СВЕТЕНКО

(Завод АМО)

У нас производство совершенно новое — производство автомобильное. Оно началось в России только недавно. Вы знаете, что в последних пробегах наши автомобили оказались довольно прочными и хорошими, но это еще не является доказательством того, что все благополучно. Качество хорошо, а дороговизна не по карману. Чтоб крестьянину купить, три деревни продать надо. Тут необходимо принять во внимание и качество и стоимость. Дело в том, что у нас качество зависит от очень многих причин. Например, мы раньше чинили автомобиль и переделывали заново, и он оказывался довольно непрочного качества. Ижорский завод посылал такую сталь, что из нее ничего нельзя сделать, или получался большой брак. И в этом случае можно, конечно, добиться хорошего качества продукции, но за счет громадного процента брака. Качество продукции зависит от специалистов, от квалифицированных рабочих, от станков, от инструмента. В особенности это относится к автомобильному производству. Благодаря особым обстоятельствам у нас часто сменяют все начальство. Для того чтобы научиться автомобильному производству, нужен год практики и нужна некоторая выучка. Главный инженер, красный директор не очень сильны в данном производстве, а тут

вдруг их сменяют и ставят новых людей. Встает вопрос: а что же будет с производством? У нас, в связи с этим, слишком много поговаривают о том, что придется ползти назад, потому что новым людям придется учиться. Такое положение и такое состояние бывает не на одном только заводе АМО, а бывает и во многих других местах.

Тов. НАДЕИНСКАЯ

(Завод Мастяжарт)

Мастяжарт — металлургический завод и в нем массовое производство. Производят начиная с жестяных коробок и кончая котлами. Вот какие примеры были на нашем заводе. Заказал Мосторг лиры и зонты. Жесть была очень плохого качества. Оказалось, что все лиры были сделаны из темной и плохой жести, но в Мосторге не обращают на это внимания, принимают и посылают затем в деревню. А куда они годны? Они светлые только во время приемки, а через две минуты они становятся темными или ржавыми. Об этом не забываются ни заводоуправление, ни сам заказчик. Принимают — и ладно. Самое основное, чтобы приняли и заплатили вперед денежки.

Большое влияние на качество продукции оказывает несогласованность между цехами. Приведу пример. У нас давяльный отдел. Приходит мастер в давяльный отдел и говорит, что чайники должны быть немедленно сделаны. Дали 1000 втулок, а они в чайники не входят. Стали затачивать, остается только резьба. Отдавать обратно не стоит, 1000 втулок уже сделаны, а спаивать нет смысла, так как все равно такой чайник цены не имеет. Второй пример: в редакцию стенгазеты поступила недавно заметка о работе ремонтного цеха. Пишет рабочий слесарь: выпускаем мы, слышь, такие машины-прессы, которые ходят только 2 дня. Наступает 1-е число. Слесарь должен сдавать машину. Ждут-ждут от токарного отдела заказанной там какой-либо точной части к этому прессу и, не дождавшись, начинают ее сами делать. Найдут старый болт, подглядят, почистят его и отдают. Как только такая машина начнет работать, — и болты и гайки будут итти во все стороны. Надо чтобы внутренняя контрольная приемка была строже.

Тов. ГРИШИН

(МОГЭС)

Товарищи, мне хотелось сказать, как старому работнику, о качестве работы. Как улучшить производство? Ведь вопрос этот очень важный. Как подходили к этому вопросу капиталисты? Они ставили наилучшего работника. А теперь ставят какого-то кустаря, чуть ли не кучера ставят механическим мастером. Можно ли таким путем улучшить производство? Давайте больше! Мы сделаем больше! А качество где? Здесь тов. Троцкий сказал, что он смотрит на сдельную работу, как на ухудшение качества продукции. А я скажу, как старый работник, работавший и у Бромлея, и у Набольца, и у других, — там везде была сдельная работа. Надо, чтобы понимали качество те, которые принимают материал. А у нас стараются только больше давать, а расценки сбавлять. Разве этим улучшишь производство? Возьмем тракторы: у нас есть опытная станция при Тимирязевской Академии. Имеются заграничные тракторы и наши русские. Тракторы Брянского завода и ленинградского завода „Большевик“ производят печальное впечатление. За такую работу надо розгами сечь или действительно не тратить материала и не платить денег. Меня спрашивают, как это втулки делаются? Для этого нужны специалисты, а приставили не-специалистов. Внутри этой втулки нарезается винт, и он должен быть чисто заделан, а мы наляпаем такую махину, при виде которой крестьянин скажет: „что же я с ней буду делать? плакать?“ Или возьмите наши ножи, возьмите заклепки. Молодежь, когда ей говоришь: учитеесь заклепывать, — не обращает на эти слова внимания.

Мое личное мнение таково: надо посылать за границу работников-практиков. Мне бывает больно, когда я читаю в газетах, что мы, богатая страна, все у нас есть, в то же время выписываем из-за границы мастеров. На чем же мы будем дальше работать? Я не видел, чтобы инженер сам показывал. Практик-рабочий его учит. Этих практиков-рабочих нужно посылать за границу, чтобы они учились определять качество материала.

Когда смотрю я на производство „Серп и Молот“, удивляюсь качеству железа. Ведь вот у Набольца работала комиссия по приему. Железо ведь должно гнуться, а теперь

его и согнуть нельзя. Гонят как можно больше, а качество-то какое? Качество невысокое! Мое мнение: мастера, не понимающие дела, губят качество работы.

Тов. АНИСИМОВ

(Карандашная фабрика „Мосполиграф“)

Я остановлюсь сейчас на работе карандашной фабрики. Как производится работа над графитом, самой основной карандаша? Та обстановка, в которой работает графитное отделение, те условия, которые создаются вокруг машины, влияют на качество выработанного графита. Возле машины всегда масса пыли, асфальтовый песок и т. д., который попадает в графит и тем самым портит его. Графит делается менее крепким, менее эластичным, меняется его цвет и все основные качества. Графит потом проходит через формочку диаметром в 2 миллиметра. Когда начинают писать таким графитом, в который попал песок и пыль, то он начинает резать. Этим самым что доказывается? Не то, как относится рабочий к работе, а то, что нужно было бы поставить рабочего в другие условия, чтобы соблюдали чистоту, необходимую для работы.

Как графит обдeldывается в дерево? Известно, что сейчас нет кедра, имеется лишь липа. Дощечки, в которые кладется графит, — неправильны; одна сторона выходит влево, другая — вправо, а грифель должен быть точно в середине.

Троцкий (с места). Почему это происходит?

А потому, что неправильно установлены ножи. За этим не усмотрели, так как следят лишь за тем, чтобы больше выгнать, выходит косо, а это администрация „окодела“, — она должна быть внимательней.

Хочу указать также на заготовку сырья. Нет кедра. Это дерево раньше получалось из-за границы. Липа — мягкое дерево, лохматится и ломает графит. Значит, надо заменить липу другим деревом. Снарядили экспедицию в Туркестан. Привезли оттуда какую-то корчу. Что она из себя представляет? Пятилетнего ребенка привести и спросить, что можно из нее сделать — скажет: ничего. Это просто корень, пень, настоящая корча, гниль, вся в каких-то дырах. Привезли ее для карандашей. Как привезли ее, так 2 года и лежит во дворе. А в Туркестан поехать стоило тысяч восемь. Это одно. Дру-

гое. Мы раньше работали с карнацким графитом. Этого графита сейчас нет. Опять снаряжают экспедицию за границу. Привезли, начали работать. Нарботали несколько десятков тысяч, стали обжигать, графит сжигается. Стали доискиваться причины, сделали анализ. Оказалось, что весь графит пополам с солью. Как принимали такой графит — неизвестно. Несколько десятков тысяч переломали. А тот графит, который не был в употреблении, пришлось пускать в мельницы — получился двойной расход.

Известно, что у нас имеется только одна карандашная фабрика, в Славянске. Карандашей — нехватка. С руками рвут — дай карандаш. Там же чернильная фабрика. Чернила очень плохие, их никто не берет. Приходит покупатель: дайте 2 гросса карандашей. Его обязывают брать вместе с карандашами и чернила. Иначе не дают. Это ненормально. Нужно сначала улучшить качество чернил, и тогда продавать, а навязывать их нельзя. Это то же самое, как когда Моссдравотдел покупает марлю, ему навязывают мануфактуру. Так и у нас.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ Л. Д. ТРОЦКОГО

Я большую часть записок отложил себе в портфель — именно те записки, которые содержат практические указания на продукцию отдельных заводов и на отдельные неполадки. Эти записки мы изучим в Советании по качеству и примем определенные меры. Здесь о них говорить нечего. Я отвечаю только по нескольким запискам.

Очень большое впечатление произвела на меня речь тов. Гришина из МОГЭС'а. Если бы можно было не только напечатать эту речь, но и передать ее тон, — тон старого квалифицированного рабочего, который считает вопросом чести сделать хорошую вещь, то это для молодого поколения имело бы очень большое воспитательное значение. Но я с тов. Гришиным не согласен в одной части его речи, а именно в той, где он говорит, что производство можно было бы совсем освободить от влияния инженеров, техников и т. д. То, что среди специалистов имеется элемент враждебный, пассивный, — это совершенно правильно. Но это значит только, что надо воспитать инженеров другого рода, — из рабочей молодежи. В деле поднятия качества продукции этого самого инженера никак не обойдешь. Совершенно правильно, что за границу надо посылать не только инженеров, но и рабочих — прежде всего, конечно, рабочих более высокой квалификации. Я об этом писал, это вопрос материальной возможности. К этому наши тресты, особенно наиболее передовые, уже идут, некоторые из них уже посылают квалифицированных рабочих за границу для завершения их профессионального обучения. Но, конечно, и инженеров надо посылать за границу. Я знаю по своей работе в промышленности, что посылка инженеров за границу приносит пользу. Правда, если бы инженеры были

подлинно свои, если бы они болели душой за производство так, как, например, тов. Гришин, то они, конечно, использовали бы на все 100% то, что они могли за границей увидеть, запомнить, записать и пр. В действительности они вывозят на 10%. Но и 10% представляют некоторую прибыль. Вот почему мы вынуждены посылать их за границу.

Один товарищ пишет, что когда машина хороша, тогда и качество хорошее, а у нас сплошь и рядом машины никуда не годятся: как же на них поднимать качество? Товарищи, это и верно и неверно. Вопрос о качестве связан с вопросом об организации всего хозяйства и всей промышленности. От чего зависит качество продукции? Вернее, от чего только оно не зависит? От качества топлива, от оборудования заводского здания, числа квалифицированных рабочих, их производительности, довольства, от настроения инженера, уровня культуры в стране, грамотности и т. д. Нет ни одного условия, от которого бы не зависело качество продукта; дело не сводится к одной машине. Возьмем кожевенную промышленность. В этой отрасли вопрос о качестве разработан больше всего, но и по другим отраслям можно было бы привести интересные примеры. Последнее постановление нашего Совещания разбирается на несколько разделов. Первый раздел посвящен вопросам стандартизации кожевенных товаров. Здесь дается задание синдикату и научно-техническому совету, который состоит из инженеров, работающих в лабораториях над кожей, и инженеров, работающих на кожевенных заводах (тов. Гришин, инженеров все-таки не обойдешь!), — дается задание совместно выработать стандарт кожевенных товаров — стандарт подошв, стандарт полувала, мостовья и пр., т.-е. определенное качественное определение кожи. Дается на это определенный срок. Это одна задача. Чтобы можно было сказать, хороша ли данная кожа или плоха, беря за основу пятибальную систему (школьная система, при которой единица — „плохо“, а пять — „отлично“), для этого нужны стандарты. Кожевник говорит: „как я дам хорошую кожу, когда сырье никуда не годится?“ Товарищи, вопрос о сырье важен не меньше, чем вопрос о машинах. Мы говорим: „хорошо, мы от тебя жалобу принимаем, мы направляем ее по другому адресу, но ты обязан из данного сырья сделать наилучшее употребление“. Потом мы обращаемся к скотобойному предприятию и говорим: мы создаем три типа бойни. Мы организуем конкурс на составление проекта для

сельской, малой городской и большой городской бойни и издаем плакат-книжечку в несколько сот тысяч экземпляров о том, как снимать кожу с убитого животного, и будем премировать хорошего убойщика, потому что от этого зависит будущее нашей кожевенной промышленности. Разумеется, все товарищи, которые говорили, что достигнуть качества можно при премировании, абсолютно правы, и только по этому пути и можно в дальнейшем пойти — по пути нормирования заработной платы по качеству. Но для этого нам нужно точнее определять качество продукции, что, конечно, труднее сделать, чем измерить количество.

Второй вопрос: о дубильных веществах, о заготовке сырья, — как и когда его выдерживать? Дальше идет вопрос о машинах, машиностроительных заводах; у нас их два: в Воронеже и в Киеве — и оба работают плохо. Имеется еще ряд других разделов. Все они содержат определенные практические задания.

Меня спрашивают, какие принимаются меры против администрации за преследование рабкоров? Это тоже относится к „плохому качеству“ и с этим плохим качеством тоже надо бороться. Если рабкоров будут удалять за разоблачения дурного качества продукции, покорнейше просим жаловаться в Особое Совещание по качеству продукции. Тогда вместе поспорим с администраторами, которые будут заниматься таким делом.

Представитель с завода АМО здесь говорил о пробеге. В газетах было сказано, что наши грузовики шли первыми и оставили всех позади. Я прочел это сообщение и признаться — ахнул. Не столько от радости, сколько от удивления. Как так, — думаю, — промышленность у нас сравнительно новая, а мы обогнали такие страны автотранспортной промышленности, как Англия (правда, английских машин было мало), Франция и Германия? Оказывается, что эти газетные сведения были неверны. У нас на-днях будет доклад на эту тему. Я вызвал инженера Бриллинга, председателя правления Моторного Института, и спросил его, в чем дело. Это, говорит, недоразумение (смех). Победили наши машины, это несомненно, но только нужно сказать, что те машины, которые были на пробеге, делались специально для этих гонок. Вот в чем вся суть. Правильно ли это, мы разберем, у нас будет совещание по этому поводу, и вас покорнейше просим к нам туда пожаловать. Во всяком случае ясно, что одна машина — образцовый экземпляр — не определяет качества всех остальных машин дан-

ного производства. На гоночные машины давали особый материал; этот секрет мне известен. Но, может быть, мне вообще неправильно изобразили это дело? Чтобы выяснить это, я и созываю представителей треста и пр. Как бы то ни было, я никак не могу поверить, чтобы иностранные трехтонные грузовики, которые делают 180 километров в час, правда, по красному шоссе, отставали от наших грузовиков. Это обстоятельство было мне объяснено тем, что на определенном перегоне грузовикам было запрещено обгонять друг друга, а наш грузовик шел первым. Я не хочу сказать о заводе АМО ничего плохого, наоборот, достижения его огромны, работали в лоск, чтобы грузовики выпустить к сроку, и они себя не посрамили. Качество их было среднее, по оценке специалистов они шли в средней категории с той разницей, что наши автомобили были сделаны по специальному заданию, а другие были массового производства. И то хорошо, но это дело мы расследуем подробнее на указанном совещании.

Один из выступавших товарищей говорил, что в магазинах имеется надпись о том, что товары не подлежат возвращению. Я, товарищи, советский гражданин, но к стыду своему этого факта до настоящего момента не знал. Это один из многих фактов, который только здесь мне стал известным. Это вещь абсолютно неправильная и недопустимая. Несомненно, что в тех случаях, когда качество явно плохое, магазины обязаны обменивать товар. Конечно, при недостатке товаров, при нашей общей бедности мы не можем проводить такой режим, как, скажем, в Париже, где в самых архибуржуазных магазинах можно через неделю и через две недели обменять купленный товар, сославшись на то, что вот пришел домой, не понравились краски, оттенки или вообще товар не понравился — и такому покупателю деньги вернут. Это уже зависит от богатства производства. Такой роскоши мы себе не можем позволить, но товары дурного качества, конечно, должны быть обменены, и это проводить на практике необходимо во что бы то ни стало.

Мне задают вопрос: „разве рабочий-изобретатель не может влиять на качество продукции? А между тем рабочих-изобретателей чаще игнорируют, чем оказывают им помощь“. Совершенно верно, что правильная поддержка рабочего-изобретателя является одним из необходимых условий поднятия качества. Я допускаю, что во многих случаях нет достаточ-

ного внимания к рабочему-изобретателю; будьте добры, указывайте в каждом отдельном случае имя, отчество и адрес такого изобретателя. Ведь бывает и так, что изобретатели „изобретают“ такие вещи, которые уже давно известны. Иной рабочий своим умом дошел до изобретения, а вещь, между прочим, уже известна в гораздо лучшем виде. Рабочий обижен, потому что просто не знает об этом. Поэтому здесь нужна точная проверка. (Голос: „Нужно и этих поощрять, значит он способный“.) Поощрение нужно — это верно. Если человек молодой и способный, надо дать ему возможность учиться, но я говорю, что каждый случай нужно рассмотреть в отдельности.

„Не думаете ли, что вопрос о секретности находится в связи с трудностями, с которыми изобретателю приходится сталкиваться в деле изобретений?“ Вопрос, затронутый в настоящей записке, рассматривался как раз на днях. Необходимо широко распространить сведения о том, как патентовать изобретения, и всемерно поддерживать изобретателей. Роль раб-коров в этом деле колоссальна.

Далее. У меня имеется записка о том, что с покупателем, требующим 3—5 метров материи, в магазине не хотят возиться. С этим нужна беспощадная борьба. Это противоречит сути нашего строя. Кто победнее, поменьше своим социальным ростом, — тому оказывают меньше внимания в советском магазине. Это служит источником законного возмущения, и с этим явлением необходима беспощадная борьба. Возьмите кооперацию, наши магазины. Они должны оказывать величайшее внимание покупателю совершенно независимо от того, требует ли он 100 аршин или же только 5 аршин. Этого можно добиться определенной кампанией, прямой „травлей“ за всякое невнимание к мелкому покупателю.

Записка о плохом качестве инструмента: нельзя найти ни одного сверла и пр. Это все правильно, но поскольку мы сами это производим — это вопрос о качестве изделий определенного завода. Поскольку же мы выписываем эти изделия — это вопрос о качестве нашего импорта. Вообще, товарищи, ссылка на то, что качество потому плохо, что сырье плохое, инструменты плохие, машины плохие и пр., с точки зрения хозяйства в целом неверна. Почему? Потому что все отрасли промышленности в наших руках. Мы слышали здесь об угле. Уголь сочетается с рудой и дает металл; металл превращается

в машину; машина при помощи сырья и угля дает изделия, скажем, ткани. Таким образом, начиная с руды и угля и кончая ниткой, шерстью, ситцем, мы имеем разные этапы, разные стадии одного и того же производственного процесса. С точки зрения частных хозяйственников, текстильщиков, например, можно сказать: ты дал плохой хлопок или плохую машину, из Англии привезли плохую машину и т. д. Но когда мы рассматриваем нашу промышленность, принадлежащую государству в целом, то от нас зависит улучшить хлопок, привозимый из Туркестана. Многих машин, правда, мы вообще не производим, но все же целый ряд машин, скажем, для кожевенной промышленности, мы производим. Сырье наше, уголь мы добываем сами, транспорт наш, бумагу мы делаем из нашего леса. Товарищ говорил здесь, что основной материал — это тряпье, но, к сожалению, тряпье теперь составляет ничтожную часть сырья для бумаги. Бумага делается на 95% из дерева, газетная бумага на 100%, да и книжная тоже делается из дерева, из целлюлозы и т. д. Наше дерево превращается на наших фабриках в целлюлозу. Если вы придете на писчебумажную фабрику, то там вам скажут: нам дают плохое сырье, с таким сырьем работать нельзя. Но фабрика, которая делает целлюлозу, как напр. Говардовская, этого не скажет. В общем качество определяется уровнем всей промышленности. Мы здесь имеем сплошную цепь. Вся суть в том, что предприятие, получая плохой уголь и т. д., прибавляет к недостаткам сырья свои собственные недостатки, которых оно, однако, не замечает. Я заказал такого рода карту, схему, где представлены все отрасли промышленности. На ней линиями показано, что получают отдельные отрасли промышленности и тресты друг от друга. Эту схему можно будет показывать на собраниях. И если сапожник скажет, что сапоги плохие, потому что дратва плохая, шило плохое и пр. и пр., не замечая того, что он сам прибавил в смысле дефектов, то можно будет ему доказать, что это все — стадии одного и того же процесса.

В данный же момент, если послушать отдельных администраторов и квалифицированных рабочих, то похоже на то, будто на данном заводе техника великолепна, но кругом враги и супостаты, которые портят социалистическое дело. Это неправильно, нажимать нужно со всех сторон.

Меня спрашивают: „не повиснет ли борьба за качество в воздухе при нехватке товаров в этом году?“

Не думаю, потому что если бы все дело было в конкуренции, тогда бы нельзя было бороться. Но поскольку мы имеем дело с промышленностью, нами регулируемой, мы можем добиться улучшения и при таком положении. И факт таков, что качество продукции повышается уже в настоящее время.

КАЧЕСТВО УКРЕПИТ СМЫЧКУ С КРЕСТЬЯНСТВОМ

„Какие меры будут приняты в отношении Украинского Сельмаштреста, допуская изготовление негодных с.-х. машин?“ Я не знаю, так ли виноват трест, — речь идет о старых машинах; вопрос этот будет в ближайшие дни разбираться в полном объеме в нашем Советании. Тут говорилось уже о том, что эти с.-х. машины обследуются проф. Горячкиным в Тимирязевской Академии, на опытных полях. Мы поставили своей задачей улучшить сельско-хозяйственное машиностроение во что бы то ни стало. Этот вопрос — очень большой. Мы говорим о смычке города с крестьянством. Эта смычка в разные периоды получает разную физиономию. Сейчас она состоит прежде всего в том, чтобы промышленность снабжала крестьянина предметами потребления. До сих пор мы имели дело с крестьянином, как с потребителем ситца, спичек, гвоздей и т. д. Теперь вопрос о смычке вступает во второй период, гораздо более ответственный и сложный. Наша промышленность обновляет свой основной капитал. Мы к этому подошли сейчас. До сих пор мы работали на старых основах, а сейчас мы подошли к задаче обновления основного капитала, и крестьянство подошло к тому же. Тот инвентарь, который оставался у него от прошлого, довел крестьянское хозяйство до нынешнего уровня, приблизил его к довоенному. Но поднять свое хозяйство выше нынешнего уровня крестьянин при помощи старого инвентаря уже не сможет. Если смычка прошлого периода состояла в том, что наша легкая промышленность, вырабатывающая предметы потребления, должна была обслуживать крестьянина, как потребителя, то смычка в этот ближайший период будет состоять главным образом в том, что тяжелая промышленность через машиностроение должна будет обслуживать крестьянина, как производителя, т.-е. дать ему заступ, мотыгу, плуг, сеялку, веялку и пр. Это есть смычка на более прочном фундаменте, и здесь, как я уже говорил, требования крестьян будут возрастать, и ответственность про-

мышленности увеличится. Я этим не хочу сказать, что отпадает первая форма смычки, т.-е. смычка легкой промышленности с крестьянином, как с потребителем. Эта задача тоже остается еще неразрешенной, но к ней прибавилась новая задача, гораздо более ответственная, серьезная и глубокая. Разрешение этой задачи, т.-е. обеспечение крестьянства необходимым машинным инвентарем, заложит фундамент для более глубокой смычки с сельским хозяйством.

„Какие меры принимаются для борьбы с секретами в производстве?“

В этом отношении приняты различные меры комбинированного характера. Мы поставили себе задачей расследование этих секретов. $\frac{9}{10}$, если не $\frac{99}{100}$ этих секретов не являются секретами, т.-е. можно взять с книжной полки учебник и там на определенной странице найти описание этого секрета. Только наша техническая неграмотность делает эти „секреты“ секретами. Для борьбы с этим явлением нужно посылать на предприятие людей, знающих технику производства, которые скажут: вот, братцы мои, на такой-то странице такой-то книги изложен ваш „секрет“. Это простое мероприятие устраним мнимые секреты, освободит государственные учреждения от секретчиков и даст способы, позволяющие более серьезно поставить производство. Если же есть у кого-либо действительный секрет, то можно его выкупить (я сомневаюсь, имеются ли такие секреты у того мага и чародея, который ими якобы владеет), а затем передать на исследование в лабораторию и т. д. Что же касается действительных секретов, новых изобретений, которые имеются у отдельных заводов, то я говорю, что за такое секретничество надо карать.

Надо сказать заводу, скрывающему секрет: „возьми патент, но передай секрет другим заводам, хотя бы за плату“. Но за присвоение самого секрета надо карать. Ведь это не что иное, как расхищение народного имущества. „Я подрываю промышленность, оставляю ее на низшем уровне, для того чтобы поддерживать данный завод на лучшем положении“. В этом деле нам нужно найти правильные нормы. Мы к ним придем, как артиллеристы пристреливаются: недоброс, переброс становятся все меньше и меньше, пока снаряд не попадет в цель. Так и с определением норм выработки; недоброс, переброс, пока не попадем, наконец, в точку. Несомненно, что та производительность труда, которая была 2—3 года тому назад, не может

быть терпима, это — разорение. Несомненно также, что во многих случаях нормы устанавливаются так, что влияют вредно на качество. Значит, нужна регулировка качества с количеством, чтобы не было ни недоброса, ни переброса, а чтобы попасть в самую точку. Это, в частности, одна из задач, которой занимается наше Совецание по качеству, устанавливающее определенные стандарты и помогающее установить определенные нормы выработки.

Мне указывают на бесконечное разнообразие сортов изделий, изготавливаемых нашими заводами. Да, специализация наших заводов — это один из важнейших вопросов. И здесь мы наталкиваемся на величайшее сопротивление со стороны техников, инженеров и со стороны рабочих. Ни один завод не хочет отказаться от разнообразия изделий, а надо сказать, что оно влияет в отрицательном смысле и на качество и на количество продукции. Казалось бы, что специализация заводов самое разлюбозное дело, но заводы находят обратное. В этом отношении мы наблюдаем величайший консерватизм. И инженер, и мастер, и квалифицированный рабочий — все отстаивают старое состояние завода. Приведу пример по электротехнической промышленности, по части электротехнических машин. Возьмем кабельное производство. У нас в стране имеются 3 кабельных завода: один в Ленинграде, другой в Москве и третий в Кольчугине. Разговаривали мы с инженерами: „Нельзя ли нам немного специализировать кабельное производство?“ Получили ответ: „Как? оно ведь уже специализировано“. Мы усомнились: „Да позвольте, сколько у вас сортов?“ А надо сказать, что есть кабель для сильного тока, трехфазный; кто его видел, тот знает, что он имеет диаметр, вероятно, этак вершка в три, и есть проволочный кабель, телефонный, эмалированный. Совершенно разные производства по существу, но и то и другое называется кабельным производством. Казалось бы, целесообразнее всего разделить производство кабелей и станки между заводами таким образом, что один производит кабель для связи, мелкий кабель, а другой — для передачи сильноточной энергии. Попробуйте! Сговоритесь с заводами, — не хотят, и только. Говорят — завод оскудеет, если у нас отнимут производство тех или других изделий. Это упорство величайшее, и нам надо преодолеть его во что бы то ни стало; тут сказываются старые капиталистические навыки, которые гнездятся в мозгах. Заводы национализированы. Казалось бы,

государство — своя рука владыка — могло бы и станки перебросить и заказы распределить так, чтобы один завод производил один кабель, другой — другой. Нет, вы встречаете страшнейшее сопротивление, которое представляет собою отрывку старого капиталистического производства, привычку к нему, нежелание отдать какую-нибудь частичку „своего“ производства. А между тем при специализации заводов можно достичь колоссальных результатов. Специализация заводов и стандартизация — это социализм, внесенный в производство, а мы к этому делу еще и не приступали.

Насчет кооперации здесь говорили много довольно грустных слов. Говорили насчет того, что дурное качество советских изделий вошло уже в поговорку. Да, это тяжелый факт. Но мы все-таки идем вперед и в отношении качества. Этого отрицать нельзя. И политический вопрос о смычке мы должны свести к тому, чтобы исчезла из нашего обихода формула: „советское“ — значит плохое в отношении качества изделий. Тут придется добраться до фундамента. Товарищ из Донбасса говорит насчет угля, что в угле на 50% пустой породы, что для того, чтобы добраться до качества, надо спуститься в шахты. Совершенно правильно. Что касается нашего Советского, мы до угля еще не дошли и даже не ставим себе этой задачи. Мы начали с пищевых продуктов, с текстиля — начали с вершешек, с того, что непосредственно близко к потребителю, а теперь постепенно спускаемся вниз. Теперь только мы дошли до металла, вернее, к нему только подходим. В этой области мы начинаем не с металлургии, а с машиностроения; в машиностроении начинаем с сельскохозяйственного машиностроения и со всяких мелочей, которые имеют значение для крестьянского рынка, т.-е. с готовых изделий. Мы начинаем этаж за этажом спускаться вниз и доберемся в конце концов до шахты, до угля, до рудника, т.-е. до фундамента. Только таким путем можно будет, сочетая потом все полученные данные, дойти до качества продукции во всех ее этажах.

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО — БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ

„Как, — спрашивает тут один товарищ, — связать вопрос о качестве продукции с продвижением в социализм?“ Этот вопрос поставлен очень метко и хорошо. Вопрос о качестве продукции: не есть только рыночный вопрос, вопрос об удовлетворении

потребностей потребителя,— это вопрос о судьбах социализма. Товарищ, который поставил его, поставил его совершенно правильно. Что такое общественный строй в целом? Это — организация людей для производства. Классовый характер этой производственной организации вырастает на определенном уровне развития производства. Классовая организация есть основанная на насилии производственная организация в целях определенного производства. Почему капитализм победил? Почему он сменил собой феодализм, крепостное право? Если коротко ответить, — то потому, что при капитализме производительность труда стояла выше, т.е. на одну рабочую силу предприятие выпускало больше продукции. Почему феодализм, крепостное право победили рабский строй? Потому что при феодализме производительность труда была выше, чем при рабском строе. Таким образом, победа одного строя над другим в истории человечества всегда определялась тем, что новый строй давал более высокую производительность труда, чем предыдущий. Это вполне понятно, вполне естественно. Раз общество есть производственная организация, то победа одной производственной организации над другой определяется ее производительностью, это есть основа всего. Сейчас у нас идет вопрос о взаимоотношениях новой организации, социалистической, со старой капиталистической организацией. Вопрос о борьбе за производительность труда при повышении качества продукции есть вопрос, от которого зависит оправдание или осуждение нашего общественного строя. Когда я говорю, скажем, о сравнительном коэффициенте, о том, как относится наша электрическая лампочка к лампочке „Осрам“ или к средней лампочке мирового рынка, то это есть сравнение социалистической и капиталистической производительности труда. Вы скажете, что тогда дело социализма выходит плохо, потому что у нас на единицу рабочей силы получается продукции меньше и продукт худшего качества. Значит нам суждена гибель? Нет, нисколько! Потому что новый общественный строй не сразу появляется на свет с крепкими зубами и когтями. Он так же, как и младенец, сперва совсем без зубов, потом с молочными зубами. Конечно, в молодом возрасте его старые враги могут его и загрызть. Лев сильнее собаки, но старая собака может загрызть молодого льва. Социалистический строй есть по сравнению с капиталистическим по своим хозяйственно-производительным возможностям

то же, что лев по отношению к собаке, но он является молодым хозяйственным строем, и в этом смысле мы сейчас проходим через самый опасный период. Можно привести пример, который я приводил вчера на одном собрании: пример из эпохи борьбы феодального строя со строем рабским. Когда германские варвары ворвались в Рим, основанный на рабстве, в нем в то время были большие богатства, колоссальная роскошь, сокровища искусства и пр., накопленные прошлыми грабежами в течение столетий, а варвары были в лаптях, это были грубые пастухи, и могло казаться, что они будут раздавлены. Однако, раздавлен был Рим, потому что пастушеско-земледельческий строй оказался более производительным, чем строй, основанный на рабстве. Мы находимся сейчас в подобном же положении по отношению к капиталистическому хозяйству, в каком варвары находились по отношению к Риму, — в том смысле, что наш строй открывает перед нами величайшие перспективы, и это показал период, который мы заканчиваем. Мы достигли, примерно, в области промышленности 70%, в области сельского хозяйства — несколько больше. В ближайшие годы мы надеемся достигнуть 100% и в промышленности, и в сельском хозяйстве. А если спросить: так же ли мы богаты, как было богато буржуазное общество, достигли ли мы, скажем, уровня 1907 г.? — то придется ответить: нет, еще не достигли. А между тем производство уж дошло до уровня 1907 г. Чем это объясняется? Да тем, что мы более экономно пользуемся нашими средствами, чем в 1907 г. Благодаря тому, что промышленность национализирована, благодаря тому, что мы можем отпускать средства туда, где они нужны больше всего, у нас нет конкуренции, нет напрасно растрчиваемой силы. Значит при известном строе можно достигнуть более высокого уровня производства с меньшими средствами, и в этом наше преимущество. Но у старого строя имеются громадные накопления, и сегодня он для нас все еще серьезный противник. У нас возможностей развития гораздо больше, зато у него гораздо больше наличных ресурсов, и на этой почве и происходит сейчас борьба. Но для того, чтобы эту борьбу вести не вслепую, нам надо обстоятельно измерить наше производство. Мы мерили его до сих пор, оглядываясь на довоенный уровень. Это нам сейчас не с руки. Какой смысл сравнивать сейчас производство с довоенным уровнем? Часто говорят: в 1913 г. мы имели пару сапог за столько-то и т. д., но ведь мировое

хозяйство не стояло на одном месте, а непрерывно развивалось. А затем, если до недавнего времени рабочие и работницы и могли сравнивать наше производство с довоенным временем, то ведь молодое поколение довоенного уровня не знает и приучается сравнивать продукцию с качеством и ценой мирового рынка. Мы выходим все больше и больше на мировой рынок. Мы посылаем за границу инженеров и, как правильно сказано, надо посылать туда и рабочих, и мы будем их посылать (*аплодисменты*). Сравнить надо не с довоенным нашим уровнем, а с уровнем мирового капиталистического хозяйства, и сравнивать надо точно, не так, как мы теперь говорим: „почти столько-то“, — надо точно измерять качество, количество и цену и устанавливать то, что я назвал сравнительным коэффициентом. Сравнительный коэффициент покажет, что мы ускоряем производство в такой-то мере и можем оказывать сопротивление давлению иностранной экономики на нас. Если наша лампочка прежде относилась к иностранной, как 1:3, а в этом году относится, как 1:2, то это значит, что социализм выравнивает свой коэффициент с капитализмом, что если капитализм пока и впереди нас, то мы все-таки идем шибче. Если бы оказалось, что указанное отношение не изменилось, то мы должны были бы сказать себе, что расстояние между нашим и капиталистическим хозяйством осталось тем же. Это было бы уже несколько тревожно. А если бы оказалось, что в прошлом году сравнительный коэффициент был 1:3, а теперь 1:4, мы сказали бы, что дело плохо. Но этого нет и не будет. Но для того, чтобы это точно знать, надо точно измерять качество продукции и ее себестоимость и определять коэффициент. Чтобы оценить развитие нашей промышленности, мы должны составить общий средний коэффициент, который определит отношение всех наших товаров к мировому рынку, и тогда мы сможем сказать, например, что средний коэффициент был в прошлом году 1:2, а в этом году 1:1 $\frac{3}{4}$ или в прошлом году был 2:5, а теперь 2:3. Эти цифры (я их, конечно, беру наугад, для примера) означали бы, что в прошлом году производительность нашего хозяйства в целом составляла $\frac{2}{5}$ от мировой средней производительности труда, а теперь составляет $\frac{2}{3}$, т.-е. несколько поднялась. Средние коэффициенты будут таким образом служить для измерения соотношения наших сил и сил мирового рынка. Теперь, когда мы вышли на мировой рынок и мировой рынок влияет на нас, крестьяне, оглядываясь на Америку,

которая всегда давала хорошую машину, говорят: «дайте машину, с которой мы могли бы работать». Другими словами, наш промышленный коэффициент будет для крестьянина мерилом мирового рынка. Он уже на довоенный уровень оборачиваться не будет, а будет оборачиваться или равняться по мировой промышленности. Вот почему сравнение наших изделий с иностранными становится центральным вопросом всей нашей политики. Это не значит, что мы собираемся сегодня-завтра открыть настежь ворота для продуктов мировой промышленности. Сделать это сейчас — значило бы погубить нашу собственную промышленность. Система монополии внешней торговли, социалистический протекционизм, т.-е. покровительство нашей промышленности со стороны рабочего государства — остается одной из абсолютно незыблемых основ нашей политики. Но, товарищи, было бы ошибочно думать, чтобы можно было удержать существенную разницу между нашей промышленностью и мировой в течение 10 лет при помощи монополии внешней торговли. Монополия внешней торговли — могучая вещь, но на определенный период, пока у социалистического львенка отрасли зубы и когти. Можно крестьянина убедить и разъяснить ему: подожди, наша промышленность поднимется, качество улучшится, мы дадим тебе машину через 3—4 года, которая будет не хуже американской, дадим плуг и трактор. Правда, что наш трактор плох, хуже американского во много раз и нечем нам похвалиться, хоть мы иногда и хвалимся. Надо правду говорить, надо прямо сказать, что наш трактор хуже американского. Крестьянина не обманешь. Но мы можем поставить перед собой задачу — выравнивать в течение нескольких лет качество нашей продукции вообще и качество наших тракторов в частности, и вот на этот период выравнивания нашего социалистического фронта с капиталистическим — монополия внешней торговли и протекционизм сыграют решающую роль. Но здесь нельзя злоупотреблять терпением потребителя и прежде всего терпением массового, крестьянского основного потребителя. А поэтому надо измерять самих себя, т.-е. знать уровень, качество, количество, себестоимость нашей продукции и мировой, — измерять правильно, при помощи научных методов, не на палец и не на язык пробовать, а измерять термометрами, измерять химическими анализами. Все хозяйство в целом надо измерять точными коэффициентами, чтобы в каждый момент знать, насколько крепнет наше производство и

с какой быстротой мы догоняем капитализм. Вот для чего надо изучать качество нашей продукции и вот для чего необходимо мобилизовать общественное мнение нашей страны под лозунгом повышения качества продукции. Здесь дело идет не просто об удовлетворении желаний и потребностей потребителя. Конечно, и это вопрос огромнейшей важности. Но, как вы знаете, мы имеем на своих плечах задачу более сложную. Ради чего народные массы терпели холод, голод и эпидемии? Во имя великого исторического дела, во имя создания нового, социалистического строя. И если сказать рабочему классу: „потерпи!“, если сказать крестьянину: „потерпи плохое качество, нам не до того, перед нами теперь другие задачи“, то в течение известного времени он может терпеть, но не будем забывать, что сейчас борьба за повышение качества и есть борьба за социализм, за социалистическую культуру. Будем бороться за повышение квалификации, за поднятие духовного уровня массы, за то, чтобы качество труда при нашем строе сначала сравнялось с качеством труда при капитализме, а потом и обогнало его, и тогда мы установим социализм неизбежно (*аплодисменты*).

*РЕЧЬ Л. Д. ТРОЦКОГО КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ
ЗАНЯТИЙ В РАБКОРОВСКИХ КРУЖКАХ *)*

Работа по улучшению качества продукции нашей государственной промышленности рассчитана на длительное время. В этой работе большое участие должны принять рабочие корреспонденты. Но для того чтобы рабкорам быть во всеоружии не только практически, но и теоретически, для того чтобы они вернее и сознательнее помогали разрешать вопросы улучшения качества, им надо разобрать этот большой вопрос, подойти к нему, с одной стороны, с точки зрения своего завода, а с другой стороны, с точки зрения значения борьбы за качество для скорейшего достижения социализма.

На многих предприятиях Советского Союза наряду с рабкорами-одиночками существуют и кружки объединения рабкоров. Создаются эти кружки для совместной товарищеской проработки тех или иных вопросов, для объединения разрозненных рабкоровских сил, для втягивания новых рабкоров из массы рабочих, одним словом, для лучшей, продуктивной и организованной работы рабкоров. В связи с данной кампанией этим кружкам предстоит большая работа. И доклад т. Троцкого дает материал для такой работы.

Во-первых, этот доклад дает большой фактический материал о нынешнем состоянии качества продукции.

*) Госуд. Издательство считает целесообразным дать в качестве приложения к докладу тов. Л. Д. Троцкого изстоящую статью тов. Плеско, как материал, могущий быть использованным с методической стороны при проработке вопросов, связанных с кампанией по поднятию качества нашей продукции.

Во-вторых, приводятся теоретические обоснования необходимости и чрезвычайной важности работы по улучшению качества.

В-третьих, намечены методы работы и оценки качества.

В-четвертых, в основном указаны место и задачи рабочего корреспондента в этой кампании.

Если ко всему этому прибавить местный материал, и к проработке этого вопроса по данному докладу подходить с точки зрения положения с качеством на местном предприятии, получится очень хорошая схема беседы в рабковском кружке. К такой беседе и проработке и должны приступить все кружки рабкоров, приглашая на это занятие всех желающих рабочих данного завода, техников, хозяйственников и т. д.

ПРАБОТКА ДОКЛАДА В КРУЖКЕ РАБКОРОВ

Если мы говорим о проработке доклада т. Троцкого, то говорим это, конечно, условно. Доклад этот дает некоторые рамки, теоретический материал, вехи, на которые должны ориентироваться участники занятия при обсуждении вопроса о качестве. Основной для возникающих вопросов при проработке должен быть местный материал.

Строить беседу, по нашему мнению, надо следующим образом:

1) Коротенький (10—15 мин.) доклад директора предприятия о фактическом состоянии качества продукции на данном заводе. Необходимо, чтобы докладчик коротко разобрал этот вопрос со всех сторон и указал конкретно причины, влияющие на качество выпускаемой продукции (сырье, машины, квалификация рабочих, нормы, сдельщина и т. д.). Этот доклад должен явиться введением к следующей за ним беседе.

2) Второй частью занятия являются прения. Ничего, если в прениях будут делаться и мелкие замечания. Основная задача этих прений — выявить детально вопрос, дать возможность рабкорам (и всем рабочим) получить правильные сведения о качестве продукции, для того чтобы в своих корреспонденциях быть вполне обоснованными.

3) Разбор корреспонденций по вопросу о качестве продукции местного завода. Корреспонденции можно брать либо уже напечатанные в газетах (если такие были), либо же представленные отдельными рабкорами для разбора на данное занятие.

4) Подведение итогов беседы, намечение путей работы рабкоров и освещение вопросов: а) борьба за качество и смычка, б) борьба за качество и социализм. Заключение может сделать председатель кружка или редактор стенной газеты, используя в этой части материал данной брошюры.

Само собой понятно, что никаких обязательных решений ни для себя, ни для хозяйственников это собрание рабкоров не должно принимать, оно также не должно распределять между собою темы для корреспонденций в газеты. Основная задача такого собрания должна быть: ввести рабкоров, под местным уклоном, в курс этой большой кампании, показать ее огромное значение и этим самым помочь рабкорам разбираться во всех могущих встать перед ними вопросах и как следует их вооружить.

Очень полезно было бы за несколько дней перед данным занятием устроить выставку вырезок общих статей из имеющихся газет по вопросам улучшения качества, корреспонденций о качестве продукции местного завода, если они были помещены в каких-либо газетах, отдельных книжек по этому вопросу, выпустить к этому времени стенную газету, посвященную в значительной степени качеству, и т. д.

В практике проведения бесед по этому вопросу, по всей видимости, окажется, что вложить весь материал в одну беседу будет очень трудно, особенно там, где интерес к кампании борьбы за качество со стороны рабкоров окажется очень велик. В таких случаях можно провести несколько занятий по отдельным частям этого большого вопроса. Сначала можно обсудить влияние на качество норм выработки или сделкины, затем, на втором занятии поговорить о сырье, квалифицированной рабочей силе и о техническом состоянии данного предприятия и т. д. И в этих случаях, т.-е. при расчленении обсуждения вопросов качества, не следует забывать следующего правила: начинай каждый раз проведение беседы с местного, конкретного материала. Только после этого можно поговорить о значении борьбы за качество, о подходе к освещению этих вопросов в газетах и т. д. В противном случае разбор будет скучный и бесполезный.

Еще лучше будет, если рабкоровский кружок займется на своих собраниях разбором конкретных и злободневных для данного предприятия вопросов, связанных с качеством продукции данного завода. Бывают ведь случаи поставки на завод

партии плохого сырья, выпуск партии продукции плохого качества (много брака) в том или ином отделе или цехе и т. д. и т. п. Очень хорошо будет, если вот такие изъяны в работе данного предприятия будут обсуждаться в рабкоровском кружке с точки зрения того, стоит ли писать об этом в газету, как об этом писать, в какую газету лучше всего материал направить, кого винить и пр. Беседы, приуроченные к таким случаям, будут особенно интересными, живыми и принесут наибольшую пользу.

Не должны пластись в хвосте в борьбе за качество продукции и наши стенные газеты. Очень хорошо будет, а это сделать можно и нужно, если бюро рабкоровского кружка (или редакционная коллегия стенной газеты) поставит на собрании кружка разбор номера стенгазеты, посвященного в той или иной степени качеству продукции. Ставить этот разбор необходимо таким образом: во-первых, следует обсудить данный номер с точки зрения того, как он осветил этот вопрос, что упущено, что неправильно и т. д., а во-вторых, наметить материалы, касающиеся качества продукции, для будущих номеров, наметить отдельные темы, поговорить о конкретных фактах, может быть, даже спросить, кто о них возьмется написать (отнюдь не распределяя темы в обязательном порядке) и пр. После такого обсуждения, на следующий день поговорить о некоторых особенных фактах со старыми, квалифицированными рабочими, мастерами и попросить их написать об этом.

Само собою понятно, что выпускать номера стенгазеты, посвященные целиком качеству продукции данного завода, не целесообразно. Необходимо завести только постоянный небольшой отдел в газете и назвать его, примерно, так: „Борьба за качество — борьба за социализм“, или же на заводах, обслуживающих главным образом крестьянский рынок, — „Борьба за качество — укрепление смычки“ и т. д.

РОЛЬ РАБКОРОВ КАК ОБЩЕСТВЕННИКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КАМПАНИИ

Всякая кампания, проводимая Советской властью и коммунистической партией, будет иметь успех, т. е. даст результаты, только в том случае, если эту кампанию осознают массы и ее поддержат. Это положение полностью относится и к кампании борьбы за качество продукции нашей государственной промышленности.

Только в том случае, когда масса рабочих достаточно хорошо усвоит цели данной борьбы, когда мы все вместе возьмемся за улучшение качества нашей продукции — только в этом случае мы можем рассчитывать на быстрый успех. И перед низовыми общественными организациями рабочего класса стоят большие задачи втягивания масс в данную кампанию, широкое разъяснение ее значения, словом, мобилизация общественного мнения рабочих вокруг вопросов качества. [Здесь предстоит работа и партийным] ячейкам, и профессиональным союзам. Эту кампанию [можно] [провести с большим] [успехом. Необходимо только правильно разворачивать ее. И в деле развертывания кампании большая работа предстоит рабочим корреспондентам.

Работа рабкоров не ограничивается писанием корреспонденций в печатные или стенные газеты. Рабкоров, рабочий актив предприятия, должны проявлять больше, чем кто-либо другой из рабочих, инициативу на самом предприятии в связи с этой кампанией.

Что здесь может сделать рабочий корреспондент? Очень многое.

Рабкор должен принять активное участие в обсуждении вопроса о повышении качества на ячейковом партийном собрании. С этого собрания, которое укажет путь кампании и методы ее проведения, вопрос может быть перенесен дальше, на собрание фабзавкома, на общее собрание рабочих и в производственно-техническую комиссию, где он должен прорабатываться постоянно. Рабкоров, как наиболее активная часть рабочих предприятия, могут в значительной степени быть застрельщиками тех или иных мероприятий, поднимать соответствующие вопросы и т. д.

И после того как пройдет занятие в кружке, когда рабкоров в достаточной степени подготовятся, они смогут правильно и вовремя поднимать соответствующие вопросы. И в этом отношении вдумчивая и детальная проработка материала этой брошюры окажется без сомнения очень и очень полезной.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Доклад А. Д. Троицкого	3
От количества к качеству	3
Нужно стандартизировать качество	9
Спасительная роль печати	12
Задачи рабочего корреспондента	15
Будем бороться с секретничеством	17
Рабор — за дневник потребителя!	19
Выступления раборцов	20
Тов. Инсаров (типография „Красный Пролетарий“)	20
Тов. Ермилов (12-й завод металлистов)	22
Тов. Смирнова (Голутвинская мануфактура)	22
Тов. Бухлер (шахта им. Ильича, Донбассе)	23
Тов. Светенко (завод „Амо“)	24
Тов. Наденская (завод Мастязарт)	25
Тов. Гришин (Могзе)	26
Тов. Анисимов (карандашная фабрика „Мосполиграф“)	27
Заключительная речь А. Д. Троицкого	29
Качество укрепит связь с крестьянством	35
Борьба за качество — борьба за социализм	38
Целесо. — Речь А. Д. Троицкого как материал для занятий в раборцовских кружках	44
Проработка доклада в кружке раборцов	45
Роль раборцов как общественников на предприятии при проведении кампании	47

5072

1р. 50к.

25 коп.

9

